

Любовь Ненянг

*Я, комарик
из тундры...*

Автобиография ненки

Любовь Ненянг

*Я, қомарик
из тундры...*

Автобиография ненқи

Дудинка
2006

Отдел культуры Администрации городского поселения Дудинка

Муниципальное учреждение культуры
«Дудинская централизованная библиотечная система»
Центральная библиотека
Отдел краеведения

Наш адрес: г. Дудинка, ул. Матросова, 8А
Тел. 8 (39111) 2-19-04;
e-mail: tobibl@norcom.ru

Ответственный за выпуск: Т.Б. Кубаевская
Компьютерный набор: Н.А. Бояринова, М.В. Ширяева
Иллюстрации: Мария Селезнева

Ненянг, Любовь Прокопьевна

Я, комарик из тундры...: Автобиография ненки. – Красноярск:
ООО Издательство «Красноярский писатель», 2006. – 68 с.

В автобиографической повести Л. Ненянг (1931-1996) с необычайной любовью рассказывает о своих предках, родителях, о мудрости своего народа, о трудностях и надеждах, о своих замыслах и планах; она размышляет о жизни представителей коренных народов Таймыра.

© Ненянг (Комарова) Л.П., 1992
© Селезнева М., 2006

*Любовь Прокопьевна Ненянг
Март, 1995 год*

Финляндия, г. Тампере
Памяти ненецкой сказительницы
(вместо предисловия)

*«Я ухожу, шаги мои легки...»
Л. Ненянг*

Перед вами автобиографическая повесть Любви Прокопьевны Ненянг (Комаровой) «Я, КОМАРИК ИЗ ТУНДРЫ...», которую подготовили к изданию сотрудники Центральной библиотеки МУК «Дудинская ЦБС».

В 2000 году сын Л.П. Ненянг Сергей Сорокин передал бесценный авторский архив в литературный музей нашей библиотеки (в то время Таймырская окружная библиотека). Среди многочисленных документов, писем, фотографий хранилась и эта рукопись.

Автобиографическая повесть мало известна читателям. В мае 1992 года в газете «Заполярный вестник» (№№ 86-99) она впервые публиковалась фрагментами в нескольких выпусках. С тех пор прошло более 14 лет.

«Я, комарик из тундры...Автобиография ненки» – так назвала свою повесть Любовь Ненянг.

С необычайной любовью Любовь Прокопьевна рассказывает о своих предках, родителях, о мудрости своего народа, о трудностях и надеждах, о своих замыслах и планах; она размышляет о жизни представителей коренных народов Таймыра. Это издание особенно ценно в настоящее время, когда нет рядом с нами прекрасного человека, талантливого журналиста, ненецкой писательницы – Любви Ненянг.

Иллюстрации к данному изданию подготовила Мария Селезнева, молодая талантливая выпускница Таймырского колледжа, подающая большие надежды.

Вспомним год 1996: приближается 65-летие Любви Ненянг. Все ждут новый сборник «Зов тундры», который

должен выйти из печати; в него вошли повести и рассказы, поэтические переложения эпических песен, сказок, легенд и преданий, стихи разных лет. Сама Любовь Прокопьевна с большим нетерпением и надеждой ожидает новую книгу, только здоровье в последнее время что-то неважное...

Осень. Сентябрь. 13 число, 3 часа 55 минут... сердце Любви Прокопьевны Ненянг (Комаровой) остановилось...

«Она ушла от нас, когда поспела брусника и пожелтели лиственницы. Природа провожала ее ночными заморозками и тихими пасмурными днями. Была, писала, рассказывала, любила – горько говорить это в прошедшем времени. Любовь Прокопьевна так и останется в нашей памяти энергичной, смело высказывающей свое мнение с любой трибуны, перед любой аудиторией. И еще мечтающей рассказать всем и все о своем народе, его обычаях и традициях, о трудностях, о жизни ненцев...» (В.Г. Заварзина)

Мы ее помним, любим, отдаем ей главную почесть – вновь и вновь возвращаемся к написанному ею, потому что ее строки – это завещание, напутствие нам, живущим сейчас...

Прочитав повесть «Я, комарик из тундры...», вы впервые узнаете о некоторых моментах ее жизни. «Вот и я дожила до мемуаров. С чего начать? Пускаюсь в экскурс по своему прошлому. Кто мы Ненянги-Комаровы? Почему нас так мало?...».

Вчитайтесь в эти строки, и вы углубитесь в историю жизни этой удивительной женщины...

Наталья Бояринова,
научный сотрудник
литературного музея (2001-2006гг.)
Центральной библиотеки

Я, комарик из тундры...

автобиография ненки

Вот и я дожила до мемуаров. С чего начать? Пускаюсь в экскурс по своему прошлому. Кто мы Ненянги-Комаровы? Почему нас так мало? Откуда пришли мои предки и как они тут, на Таймыре обосновались?

Однажды, будучи уже взрослым человеком, я попыталась как-то коснуться своей родословной в рассказе «Винуват ли Мерета?» Герой рассказа – прототип моего отца, Прокопия Антоновича Комарова. Все, о чем я писала в этом рассказе, думаю, повторять не стоит, но некоторые сведения, пожалуй...

Предки моего отца и других Ненянгов переехали на Таймыр с Ямала, из района проживания Тазовских ненцев. Кстати, в Тазовском районе Ямало-Ненецкого автономного округа значительная часть ненцев носит фамилию Ненянг (женский род – Ненянги). Ненянг – это комар. В первые годы советской власти на Таймыре, видимо, во время переписи населения, по велению чьей-то указующей руки многие здешние фамилии были переведены и переделаны на русский лад. Ненянги стали Комаровыми, Тер – Пальчинными, Моло – Лырминными, Нгаседа – Ямкиными и т.д.

На новом месте Ненянги, как и прежде, рыбачили и охотились. Рассказывают, они были трудолюбивы, имели ездовых оленей, особо не бедствовали, кормили и одевали себя нормально, вполне сносно.

Бабушку по отцу звали Нгэва Сэрако (белоголовая). Смутно помню седовласую старушку, знатока нашего фольклора. И еще помню маленькую собачку белой масти – Хорчи. Говорят, когда Нгэва Сэрако умерла, Хорчи не покинула захоронения, так и пропала в тундре.

Еще рассказывают, что Нгэва Сэрако родила моего отца от заезжего рыбака. Не ненца это, мол, точно. Появление

внебрачных детей, хоть и осуждалось в старину, но невидалью не считалось. Нгэва Сэрако довольно быстро вышла замуж за Антона Ненянга и тем прекратила какие-либо разговоры на щекотливую тему.

Прокопий (мой отец) рос работящим, смышленным, любознательным. Был он высокого роста, белокур, кудряв, лицом красив, с прямым тонким носом, темно-серыми с зеленью глазами. Еще в юности очень интересовал его русский язык, вскоре стал говорить почти чисто. В его речи встречалось множество выражений русских поселенцев, с которыми он постоянно общался: отколь, пошто, евоный (его), обутки, паря... Он превосходно знал и родной язык, материнский. Отец вполне мог быть, думаю, учителем или доктором, а посвятил жизнь промысловому делу. Рыбаком и охотником был удачливым.

Совсем молодым он женился на Марии Нгэвасядей, которая многократно беременела. Исправно рожала, но выжили только семеро, остальные умерли в раннем детстве.

Может это и не полагается замечать дочери, да еще на бумаге, но не промолчу: отец мой любил женщин несколько сверх меры. Ухаживал, что называется, напропалую, и не только за ненками. Двух его внебрачных детей я встречала на Ямале, а скольких не встретила? Когда отец встал на ноги, он решил обзавестись второй женой. Выбор пал на мою будущую мать – чернявую, миниатюрную, смешливую, уроженку мунгуйской тундры из семьи Тоги. Отец был не прочь занять и третью жену, но воспротивились этому, «спелись» старшая и молодая. Да и наступили времена, когда многоженство стало караться по закону.

Когда отец женился во второй раз, его старшей жене, Марии, это понравиться не могло: она не была еще старухой, которой нужна помощь по хозяйству. Две-три, как правило, жены имели ненцы в старину. Любвеобильные и зажиточные мужчины позволяли себе это. Жены, понятно, частенько

скандалили. Мария тоже проявляла характер, надолго уезжала, но муж возвращал ее в чум. Моя же мать не смела послушаться мужа, тем более, что пользовалась его благосклонностью. На ее стороне была и свекровь Нгэва Сэрако.

Но, когда законы советской власти и их проводники проникли в тундровые края, перед отцом, человеком видным, авторитетным, ориентированным на все новое, встала дилемма. Точнее – ее поставили перед отцом. Так и сказали: «Раз у тебя две жены, значит, ты против советской власти. Выбирай: или-или».

Какое-то время отец думал, советовался, начальники не отступали. Мать, любившая отца, как первого своего мужчину, кумира и защитника, была в большой тревоге и печали. Она просила отвезти ее в Мунгуй, к родственникам. Отец сумел уговорить ее остаться на Большой Хете, обещал помогать.

В семье отца остался мой старший брат – тогда еще дошкольник Саша. И его не хотела терять из виду мать. Мне же было всего два месяца. Отец рассудил так: у Марии четверо детей, у Татьяны (моей матери) двое. Кому будет труднее выйти замуж, труднее прожить? Конечно, старшей. Значит, придется расстаться с Татьяной. «Сына я воспитаю сам, – думал отец, – с одним ребенком брошенной жене как-никак будет легче...»

Так и порешили. Слез, конечно, пролилось немало. Не хотел оставаться у мачехи Саша, самыми плохими словами ругала мужа младшая жена. Делили имущество, чум, и тут выявляла недовольство старшая. Над отцом, как дамоклов меч, висели «указания»... Время, однако, лечит, шум стихает.

Вскоре, не без участия бывшего мужа, мою мать выдали замуж за вдовца Игнатия Федотовича (мужа умершей отцовой сестры). К И.Ф. Ямкину мы еще вернемся, а пока я доскажу некоторые подробности из жизни Прокопия Антоновича

Комарова. Он и в самом деле помогал нам – продуктами, деньгами. В каждый свой приезд приводил олененка мне в подарок. Подолгу гостил у нас брат Саша, гостевала и я в доме отца, приезжала оттуда с подарками (парка, бокари, деньги, мясо, рыба).

Ненцы любят повторять фразу, почти пословицу, звучащую на русском примерно так: «Не дай бог тундровику стать начальником». И в самом деле, человеку мало просвещенному, а то и малограмотному (каковыми в те времена поголовно были тундровики), опасно вручать бразды правления. А если он еще глупец от природы? Совсем беда! Возмнит о себе, каких только дров не наломает...

Представители аборигенов, которых ставили «руководить», были разными, непохожими, но в большинстве своем неграмотными, хотя авторитетными среди земляков. Законов они не знали, а подчас обходили инструкции по вольнолюбию (когда и каким законам они подчинялись?), по халатности и бесконтрольности. О людях бесчестных (тоже были!) сейчас не говорю. Я о тех, кто из грязи – в князи.

Однажды человек двадцать из Усть-Енисейского района решили отправиться в Гыданскую тундру, где, по слухам, кочевало много богатых оленеводов, не желающих вступать в колхозы, не признающих советской власти – так называемых «лишников» (единоличников).

Кто собрался ехать? Земляки, друзья, единомышленники, наделенные кое-какой властью. Опыт по раскулачиванию местных богачей у них уже был. Собрались, сговорились – чего бояться? Закон – тундра. Конечно же, они надеялись, что большие русские начальники едва ли о вояже узнают. Это все равно, что хорей после пурги в снегу искать – велика тундра, куда русским дознаться, что в ней произошло! (В глубь ее редко кто из начальства совался). Решили, поехали.

Это потом, позже, назовут их группу бандой, а тогда... Запрягли лучших оленей, надели лучшие бокари и малицы, кое-какие атрибуты советской власти прихватили: пятикопечные звезды, бумаги, удостоверяющие личности и должности, красные нарукавные повязки... Надели русские (матерчатые) рубахи, костюмы, подпоясались русскими (кожаными) ремнями – и у кого что было. А уж примкнувшие – кто в чем, в лучших и самых надежных своих национальных нарядах.

Рассказывают, что главными в банде считались Хатама Ядне и мой отец. В эту поездку с мужьями пустились в дорогу молодая еще моя мать Кахали (Татьяна), жена Семена Комарова и жена Хатамы Ядне. Последняя была женщиной солидного возраста, влиятельная, опытная, отважная тундровичка, привыкшая к дальним дорогам.

Цель поездки – самолично «раскулачить» богатых. То есть без особого на то распоряжения свыше отобрать у ненцев гыданской, тазовской тундры хороших оленей, лучшую одежду – именем «советской власти». Естественно, все приобретенное имущество, оленей члены группы планировали присвоить себе. Как потом они сами рассказывали, недолго им благоприятствовала удача. Да и немного богатства удалось приобрести обманным путем: сотню-две оленей, десяток малиц, несколько пар бокарей. Моя молодая мать, говорят, щеголяла в новой белой расписной парке.

Авантюристов уличили – Ямальская милиция схватила их в одном из стойбищ Тазовского района. Обращение с «гостями» было строгим, и даже жестоким. Двоих в первую ночь оставили связанными на морозе, остальных связанными же уложили ночевать в чумах.

Рассказывают, что с оставленным на нартах Хедрумой Ямкиным случился «позор». Видимо, не имея возможности дозваться караульного, он испортил свои замшевые, сшитые из ровдуги штаны. За ночь Хедрума вместе со штанами

заледенел. Естественно, утром он сообщил караульщикам о своем грехе. Развязали. Хедрума плакал, выбивая об нарты испорченную одежду. Он обратился к моему отцу: «Нет ли у тебя, Проня, лишних штанов?». Лишних ни у кого не нашлось.

Милиция отвезла арестованных в Салехард: женщинам разрешили ехать к себе домой, на Таймыр. Вещи и олени были возвращены хозяевам. А расписную парку моей матери ямальцы все-таки подарили. Хозяйка так и сказала: «Ведь теперь ты в большом горе, мужа твоего в каталажку увезли. Носи, в ней ты не замерзнешь на большой дороге».

И еще один нюанс. Большинство участников авантюрной группы не прочь были приобрести (а может и отобрать) себе жен – первых, вторых. Хатаме Ядне, например, понравилась молодая жена ямальского олненевода. Он намеревался ее выкрасть, и говорят, согласовал этот вопрос со своей Нгадерой (по фамилии Надер), но затее не суждено было осуществиться.

Нгадерой сразу взяла в свои руки организацию обратной, в родные края, дороги. Три женщины запрягли себе в нарты лучших оленей, из таймырских захватили запасных и грузовых. Сложив пустые нарты своих мужчин, одну на другую, длинными аргишами двинулись в путь.

Честно скажу, до сих пор удивляюсь мужеству и выносливости этих женщин, пустившихся по бездорожью с Ямала на Таймыр. Вела аргиш Нгадерой. С утра до поздней ночи упряжки бороздили снег. Кругом белым-бело. Ни одной темной точки на пути. Ночевали, естественно, в «куропачьих чумах». Еда была, да еще одного оленя в пути забили. Грелись у костров. Топили ольховником, который выкапывали из-под снега. На ночь связанных арканом оленей пускали пастись. Утром – снова дорога. Снег, снег, снег...

Мужчин же некоторое время держали в Салехарде, допросили-расспросили, что да как, кто такие, зачем пожало-

вали на Гыду. Через месяц с небольшим всех отпустили, они благополучно вернулись домой – виноватые, удрученные, с позором. Со временем инцидент этот был забыт, хотя земляки нет-нет да посмеивались над неудачниками.

Среди них было много отважных, авторитетных людей. И порой русские начальники обращались за помощью к Прокопию Комарову, Хатаме Ядне, Николаю Силкину. Были они переводчиками, проводниками, агитаторами и малопомалу некоторые из них вновь стали маленькими, но нужными в тундре начальниками. Теперь уж они пуше прежнего старались помогать советской власти, искупая вину.

В книге доктора исторических наук В.Н. Увачана «Путь народов севера к социализму» есть такой отрывок: «В августе 1931 года самолет «Комсеверпуть-2», под командой Я. С. Липпа летал на борьбу с эпизоотией северных оленей в районе Большой Хеты. Так как в это время не было карт района полетов, Я.С. Липп пригласил на самолет в качестве проводника тунгуса (ненца – Прокопия Комарова). Писатель М. Зингер следующим образом описывает этот полет: «Комаров стал набрасывать синим карандашом на клочке бумаги притоки Енисея, которые должен был встретить самолет на своем пути. Через несколько минут тунгус сунул летнабу (летчику наблюдателю) готовую карту притоков Енисея со всеми их разветвлениями, захватив территорию в двести километров. Тунгус точно показывал, где и чей чум стоит. И вдруг закричал: «Смотри, этот чум – место нашего большого шамана!». А затем он сказал: «Шаман смотрит на небо и, наверно, думает, что бог летит. А это не бог, а Прошка Комаров летит!». Далее М. Зингер пишет: «Карта, начерченная одаренным тунгусом, была настолько верна, что она служила лучшим показателем пути над однообразной зеленой бесконечной тундрой». Много социальных преобразований на Крайнем Севере

пережили мои родители и земляки. Мама, например, рассказывала о тех временах (видимо, со слов взрослых, самой ей было к тому времени лет 11-12), что людям тундры продовольственные и промышленные товары отпускались в кредит. Безоленные получали 50-60 фунтов муки в месяц, имевшие оленей – 30 фунтов, рыбаки – 45 фунтов. Вначале выдавали муку лишь работающим, так что многодетным приходилось труднее. Позже нормы отпускаемой муки, табака, чая были увеличены. Так, например, каждый член семьи получал по одному пуду (16 кг) муки в месяц.

Известно, что в 1921 году было отпущено туземному населению Енисейского Севера товаров в кредит на 477 тысяч рублей. Впоследствии эта сумма была полностью списана.

К тому времени, когда, создали Комитет Севера (Комитет содействия малым народностям Севера) при Президиуме ВЦИК РСФСР (1924 г.), была поставлена задача: все делать не только для туземцев, но и руками самих туземцев.

Когда я спрашивала свою мать, знает ли она, что это была за организация и ощущалась ли в наших краях ее помощь, мама расплывалась в улыбке: «Комсивар-то? Хорошие люди были! Твой-то отец всегда с ними был».

– А чем хорошие?

– Комсивар сети нам отправлял, капканы, лодки, мануфактуру, муку, чай, сахар, табак...

Со времен Комитета Севера, а позже – во времена создания родовых, туземных риков, интегралсоюза, а особенно в период коллективизации на Крайнем Севере – многие представители местного населения стали активно включаться в строительство советской власти. Наиболее одаренные и энергичные (из молодежи), уезжали учиться на советско-партийные и другие курсы, в кооперативные школы, в Ленинградский институт народов Севера.

Комитет Севера, привлёк многих ученых, знавших историю, этнографию, быт северян, промысловое хозяйство (В.Г. Тан-Богораз, С.А. Бутурлин, Л.Е. Ферсман, Л.Я. Штернберг и другие). С преданностью и любовью вел работу Комитета Севера Петр Гермогенович Смидович. Достаточно сказать, что уже в июне 1924г по ходатайству Комитета Президиум ВЦИК выделил на организацию и строительство культурных баз, расширение сети передвижных отрядов Красного креста свыше 50 тыс. рублей, строились школы, больницы, сельские клубы, магазины, жилые дома, мастерские.

Вот в это бурное время и выдвинулись «начальники» из коренного населения, которые оказывали заметное влияние на земляков, прежде всего – своим примером. Особенно известны в Усть-Енисейском районе имена Лалки Тэседо, Петра Болина, Николая Тоги, Пула Тоги, Вассы Лампай, Ирику Тэседо, Константина Силкина, Евачи Тэседо, Николая Лырмина, Прокопия Комарова. Из русских – Евгений Мосиенко, Иван Хасанкин. Будучи председателем кочевого совета на Большой Хете, а позже председателем колхоза «Большевик», отец много ездил, редко бывал в родном стойбище, в своей семье.

...Было это в годы создания интегральных кооперативов. У нас, на Селякинских песках, говорят, неводила рыбу большая бригада совместного товарищества. Был ей выделен крупный, 250-300 м длиной, невод. Соорудили на берегу нечто подобное вороту, который «крутили» две живые лошадиные силы. Рыбаков снабжали сетями, лодками, неводами. Охотников – ружьями, порохом, дробью, патронами, капканами. Местное население приучали к совместному, коллективному труду, игнорируя тех, кто желал трудиться индивидуально.

После каждой рыбалки выдавали муку. Рыбы разрешали брать с тони по количеству едоков. В конце промыслового

сезона выдавали деньги, табак, чай, сахар, муку на всю осеновку (осеннее время). Те, кто трудился единолично, вне товарищества, ничего этого не получали. Таким образом, готовили условия для массовой коллективизации.

– Однажды у нас кончилась мука, – рассказывала мать. – Отец, как всегда, где-то ездит. Отправили мы, женщины, сына старшей жены, восьмилетнего Олеко, попросить муки у кооператива. На берегу после рыбалки раздавали по миске в руки – на чум. Так как никто из нашего чума не рыбачил (единственным кормильцем был отец), муки мальчишке не дали, он вернулся со слезами. До приезда отца кое-как перебивались, одалживая у соседей, в кооператив больше не ходили. Наконец приехал отец, привез пуда три. Хорошо зажили, долги отдали. Пока отец начальничал, продукты покупали мы за деньги, у интегралсоюза. А рыбу, мясо отец сам добывал, промышляя.

Старший брат отца, Нгалюмей, слыл шаманом. Говорят, кое-чего «нахватался» от брата и мой отец. Иногда врачевал, предсказывал судьбу, произносил заклинания и наговоры, желая лучшей доли себе и родным, а может, и насылая беды своим недоброжелателям. Подробностей не знаю и в жизни своей, к большому сожалению, не видела ни одного шаманского камлания. К тому времени, когда я стала взрослой, касаться этой темы считалось небезопасным и зазорным, тем более для члена КПСС. Жалею, что подробности отцовской жизни безвозвратно ушли вместе с ним в «мир иной». Я мало с ним говорила, никогда не откровенничала, редко общалась, считая себя обиженной...

В тридцатых годах почти всех шаманов и богатых оленеводов забрали, увезли. Вряд ли кто из них вернулся. Недавно стало известно, что их тогда же расстреляли в Дудинке. В лице шаманов мы потеряли огромный пласт своей национальной культуры.

Отца тоже коснулись преследования за шаманские «нотки». Забирали, оказывается, и его, но отпустили, сумел он оправдать себя, мол, серьезно этим никогда не занимался, никого не обирал, кое-каким песнопениям научился у деда и брата, а исполнял их, только когда выпьет...

Не обошла отца, как и многих моих земляков, и тяга к рюмке – что правда, то правда. Во время Великой Отечественной войны, уже немолодым и больным, он возглавлял колхоз. Но так как растратил и растерял много рулонов продуктовых карточек, был снят с должности. После этого уже и не лез в «верха», рыбачил и охотился в меру своих сил до самой смерти. В 1965 году, будучи нетрезвым, замерз на тундровой дороге.

Теперь о жизни моей матери с И.Ф. Ямкиным, от которого она родила семерых детей. Игнатий был из Потапова, полуненец-полуэнец. Сносно говорил по-русски. Он рассказывал, что родители продали его русским поселенцам-приказчикам, он стал посредником между приезжавшими купцами и местными жителями. Продали, променяли на водку. И стал он работником «в людях». Рыбу (соленую, копченую, свежемороженую), пушнину, мясо, шкуры, камусы надо было кому-то грузить-разгружать. Суда прибывали по открытой воде из Енисейска, Туруханска, Красноярска. Зимой же будущий отчим рубил, колол, пилил дрова, заготавливал воду, рыбачил и охотничал, плотничал, строил дома, склады.

Когда же он вырос в зрелого мужчину, хозяева его отпустили, он женился. От первого брака у Игнатия Федотовича было две дочери и два сына. Ямкин сошелся с моей матерью, когда старший сын и старшая дочь обзавелись уже своими семьями. Младший сводный брат рано умер, младшая сводная сестра жила в семье своей старшей сестры. Все остальные их совместные дети были младше меня.

Всю жизнь мой второй отец страдал туберкулезом, часто у него горлом шла кровь. Если в первые годы совместной жизни с матерью он еще пытался охотиться, рыбачить, то, сколько я себя помню, он больше лежал, недомогал. Когда случались приступы и он «умирал» (безжизненно вытягивался, терял сознание), мать вытаскивала его на улицу, на свежий воздух – там он оживал. Однажды свежий воздух не помог...

Игнатий тоже при случае выдавал свою причастность к шаманству. К нему приходили люди с просьбами поговорить за них с духами, облегчить участь. В подарок оставляли кусок мяса, несколько рыбин, оленью шкуру, ношенные бокари или камус на новые – у кого что было. Время военное, люди и сами нуждались. Не знаю, как и когда, отчим разговаривал с духами, помог ли кому? Нас, детей, в эти дела не посвящали. Помню только, что однажды пришли к нему с просьбами помочь оленеводы, было потеряно много оленей, бригадиров пугали судом и тюрьмой. Так оно и случилось, многих забрали. Не вернулись ОТГУДА, видимо, умерли на норильских рудниках и шахтах...

Отчим не любил меня с братом Александром. Он был груб и к своим родным детям. Редко с кем разговаривал. С матерью моей (своей женой) часто обходился окриками. Мать его боялась. В редкие дни хорошего настроения отчим вырезал нам что-нибудь из дерева, напевал даже русские частушки.

Хозяйкой, защитницей и главной кормилицей была мать. Она шила на продажу русским унтайки, нередко используя для этого нашу одежду, кем-то подаренные камусы. Много ездила, добывая нам еду. Отчим выставлял снасти, летом – сети, зимой – капканы. Проверять, высматривать их часто должна была мать. Отчим лежал, отвернувшись от всех, редко разговаривал, заходилась кашлем.

Мать старалась лишней раз не тревожить его. С фактории Большая Хета, из поселка Малая Хета, из ближайших стойбищ она всегда что-нибудь привозила: хлеб, муку, деньги. Промерзшая, продрогшая, унижавшаяся, прося у людей помощи, она была вынуждена заботиться о домашнем хозяйстве, чтоб накормить и согреть детвору мал мала меньше. Семья жила, как теперь говорят, за чертой бедности. Особенно зимой. Летом оживали. Ловили рыбу, вдоволь ели ее, выполняли колхозный план, получали какие-никакие деньги. На рыбалке работали всей семьей. На высмотр сетей выезжал и отчим. Вечерами, по возвращении он солил рыбу, а мы, мать и дети, обрабатывали улов (вспарывали, мыли, чистили). Часть рыбы, пока лежал снег, мы закладывали в снежные ямы, чтобы сдать ее свежемороженой – подороже – на рыбозаводской катер.

Как мы мучались, таская при сдаче рыбы полные тяжелые ящики! Надо было спешить, катер торопил. Силенок мало, снег мерзлый (от соли), падали, даже плакали. Особенно жалко было мать, ведь она брала на себя самую большую долю работы, тяжестей. Отчим, если и помогал нам, то не без окриков и бесконечного ворчания. Мы боялись одного его взгляда.

В военное время отчим и мать устроились снабжать дровами пекарню рыбокооп на Большой Хете. Рубили листвяжник, распиливали. Отвозила дрова (две-три грузовые нарты в аргише) на факторию мать. Ей платили десятку-другую за каждый рейс, на вырученные деньги она покупала муку, хлеб, чай, сахар, табак, редко – масло и сладости. Иногда мать влезала в долг. Не знаю, какие были расценки и правильно ли ей платили. Словом, семья кое-как сводила концы с концами. Часто выручали земляки-соседи, давали рыбы, мяса, хлеба.

Игнатий Федотович был искусный столяр и плотник. Попросили его как-то построить жилой дом на фактории Большая Хета. Он согласился, несмотря на слабое здоровье. Так и сказал ему единственный оставшийся на фактории начальник, бухгалтер Булыгин: «Работай потихоньку, как можешь».

На весну мы остались вблизи фактории. В счет работы отчим мать почти ежедневно брала в магазине булку хлеба, раз в неделю – килограмм сахара, две пачки махорки, полплитки чая. За весну и лето добротный жилой дом, пятистенку, отчим поставил. Сам поднимал на себе бревна, все делал один. Закончил «коробку» глубокой осенью, когда наступили заморозки. Нам пригнали оленей, чтобы аргить на зимнее стойбище. Ни рубля по окончании работы отчим не получил. Булыгин сказал, что заработок мы проели. После этой стройки отчим долго и тяжело болел, зимой раза три «умирал».

Мама была неунывающим человеком, хохотушкой. И человеком большого мужества и выносливости. Была она и находчивой, трудолюбивой. Помимо домашней и уличной (промысловой) работы брала заказы людей (выделку камусов и шкур), за что тоже получала плату в виде олень-сырья, продуктов. Плачущей я ее никогда не видела, разве только в старости, когда она страдала от пьяных дебошей сына Алексея.

Однажды в поисках хлеба насущного мать чуть не утонула в забереге, спасла ее легкая меховая парка (шуба), благодаря которой она выгребла, выкарабкалась на кромку льда.

Когда младшие дети, как и я, стали учиться в школе-интернате и почти всю зиму нас кормили и одевали, семье стало легче. Потом же, на летние каникулы, мы с превеликой радостью уезжали на Еркода Надо, на место семейной рыбалки, и охотно помогали родителям рыбачить.

Мне было пять лет, когда отчим и мать (в январе!) повезли меня в школу поселка Усть-Порт. Почему зимой не знаю. Почему в пять лет – в родном чуме было голодно.

Мать рассказывала, что русские начальники стали преследовать ее: «Не отдашь девчонку (то есть меня) в школу, будем тебя судить, в тюрьму пойдешь. «В точности так было, не ручаюсь. Может, это был тактический ход родителей, чтобы хоть я-то не голодала? А может, и в самом деле устрасали. Может, и не напрасно, а по закону о всеобуче.

Лют мороз. Дорога дальняя, трудная. Олени еле бредут. По пути сдохла собака, которая увязалась за нами. Я сидела в лохмотьях за спиной матери в нарте, грызла кусочек мерзлого хлеба. Мы останавливались, чтобы дать оленям отдых. Олени идут плохо, истощены, ведь мы запрягали их почти каждый день. А запасных, лишних, у нас не было. Телят, которых мне дарил отец, закалывали на мясо. Другой помощи ни от кого не получали. Сыновья отчима давно умерли, зять был бедным, дети еще не подросли, добытками не стали...

Первое впечатление от русского дома в поселке – много света. Светло, бело, и пахнет чем-то вкусным, приятным. Не кислый, с дымом, с примесью запахов пота, грязи, немытого тела (хотя и родной), а «русский запах» (луса нгабт) – чистоты, духов (одеколона), извести, свежести. Свет, который очаровал меня тогда, впервые приехавшую из тундры, одновременно ощущался светом знаний, науки, светом другой жизни, по которой предстояло пойти.

Меня впервые мыли в бане, и, говорят, я до одури кричала (мыло попало в глаза?), не давала снять с себя одежду, дралась, исцарапала руки воспитательнице. Эта добрая женщина, Любовь Васильевна, сшила мне платье (интернатские были велики); она же научила петь русские задушевные песни, давала мне лоскутки цветастых тканей для игр в куклы...

В первую зиму я в школе не училась: выходила из класса, когда мне вздумается, писать не умела, читать – давно, засыпала на уроках, много и часто плакала. Спала, да ела – вот и все мои заботы.

В школу разрешили не ходить – мала еще. В интернате у меня была кровать-качалка, как для малышей. В марте приехала мама и забрала меня. Наверно, разрешили.

На следующий учебный год я уже «законно» и с большой охотой поступила в подготовительный (нулевой) класс. Приставили ко мне девушку – десятиклассницу, нянькой я ее звала, Агу Калуцкую. Она помогала мне одеваться, доводила до столовой, провожала в школу, укладывала спать, укачивала, учила умываться, чистить зубы, заворачивать портянки, говорить по-русски, сидеть за столом.

Моей первой учительницей была Клавдия Тимофеевна Понамарева. Особенно запомнились уроки разговорного языка.

– Пересядь за первую парту в первом ряду. Открой двери. Закрой двери. Иди к доске и сотри написанное. Закрой книгу и положи ее на парту. Встань рядом со мной. Попроси на русском языке Колю (Таню, Маню), чтобы он дал тебе букварь. Поставь стул у окна. Напиши на доске свое имя. Сделай два шага вперед. Подними левую руку...

Так я училась понимать русскую речь, говорить по-русски, а потом читать и писать. Учили нас прилично вести себя за столом, не швыркать носом, не сорить, не чавкать, правильно держать ложку-вилку. Учили говорить «спасибо», «пожалуйста», здороваться, прощаться, быть вежливыми, предупредительными, доброжелательными, помогать в беде и т.д.

После уроков мы рвались на улицу. Я, Пепи, Илья, Ага и Нина – самые маленькие «нулевушки» – любили бродить по свалкам рыбконсервного завода, где всегда находились

блестящие кусочки жести. На поселковых помойках нас привлекали старые часы (будильники, ходики), раскурочив которые, мы находили красивые шестеренки. Любили заходить в магазин, где в продуктовом отделе работал муж нашей учительницы. Денег, даже копеек, у нас не было никогда. Мы стояли у прилавка и выжидающе смотрели на продавца. В итоге он отпускал нам без денег граммов сто «подушечек». Большого мы и не ждали, хоть и считали его своим родственником. А, найдя где-нибудь монетку в три-пять копеек, несли в магазин, чтобы получить несколько конфеток. Продавец нас хвалил: «Молодцы, сегодня вы при деньгах!». Мы были горды.

Мне по сей день кажется, что те русские люди, которые приезжали и работали на Севере в первые годы советской власти, перед войной, даже в военное время, были другими – более доброжелательными, простыми, более воспитанными. Большая их часть приезжала по-настоящему осваивать Север, помогать местным жителям в новой жизни, а не «зашибать деньги». Многие бескорыстно учили грамоте соседей, относились к любому по-человечески, не подвергая насмешкам; не обманывали, делились всем, чем могли. Вот и учителя наши возились с нами, как с родными детьми. Мы постоянно околачивались у них дома, они занимались с нами после уроков, шили нам наряды и учили шить на своих машинках, подкармливали... И никогда я не слышала, чтобы кто-то из педагогов просил нас или наших родителей, мол, привези мне рыбы, песка, камуса. Местные жители запросто чаевали у них в квартирах. Не замечали мы брезгливости, отчужденности, взглядов свысока. Те русские (сейчас говорят «русскоязычные») обращались с местными по-дружески, на равных.

Наши учителя (приезжие, местных учителей еще не было) и зимой, а особенно летом, во время каникул, в свое отпускное время ездили в тундру – на оленях, собаках, ле-

том на лодках – и там неделями и месяцами занимались ликбезом. В свободное время проводили беседы, просвещающая тундровый народ, жили в чумах. Одно лето на нашей рыбалке провела учительница Елена Антоновна (латышка). Она научила меня, как делать гербарий, от нее я узнала русские названия цветов и трав (рядом записывала по-ненецки). Мы с Еленой Антоновной гуляли по тундре, и я убедилась, что свою землю знаю плохо, скользила по ней глазами, а сколько, оказывается, в тундре интересного, сколько полезного, лекарственного...

В первом-втором классах наш учитель физкультуры Петр Иванович «выжимал» на своих ладонях нас с Илюшкой Лырминым, как гири, помногу раз. Мы, сидя на ладонях, не боялись упасть, так как были уверены, что Петр Иванович самый сильный на свете и нас очень любит.

Как-то мы с Ильей заболели корью, лежали в больнице. Директор школы Павел Иосифович пришел навестить нас с группой первоклассников, и принес кулек конфет. А воспитательница прислала домашних пирожков.

Вместе с директором школы мы ездили и ходили зимой пешком на Шашков остров (напротив Усть-Порта). Там старшеклассники выкапывали из-под снега бревна, пилили их, а потом отвозили в поселок. Кажется, ничего не было лучше этих прогулок.

Некоторые учителя даже играли с нами в Чапаева. А Эмилия Богдановна (немка) как-то к весне перешла на меня свое старое пальто. Получилось очень нарядно.

Другая воспитательница, пожилая, Евгения Германовна, учила девочек шить, стирать, готовить, сажать и выращивать цветы, приучала к самообслуживанию. Не один спектакль поставила она с воспитанниками интерната. Это была решительная, многознающая, энергичная, прямо-таки неутомимая женщина, человек высокой культуры.

Я уж не говорю о той просветительной, воспитательной работе, которую проводили педагоги в поселках. Они успевали и нас, детей, воспитывать, и участвовали в художественной самодеятельности, и ездили с концертами в близлежащие селения, на рыболовецкие точки. Я помню, что директор играл Платона Кречета. А уж хорошие номера никогда не обходились без наших учителей и воспитателей. Перед новогодними праздниками под руководством и при помощи педагогов мы допоздна мастерили себе костюмы для бала-маскарада.

Однако я пропустила важный момент...

Однажды, в 1942 году, приехав на катере из Большой Хеты в Усть-Порт, мы были удивлены: по всему берегу стояли палатки. Очень было любопытно, кто это приехал и устроился тут. Выяснили: спецпереселенцы. Латыши, немцы, литовцы. Позже привезли калмыков. Недавно я написала для таймырского радио на родном языке рассказ «Палатки на снегу». Это о них. Рассказ этот думаю дополнить, материал просится на маленькую повесть.

Приезд спецпереселенцев – особая страничка из моего детства... Сначала мы боялись их: чужие, худые, голодные, оборванные, обиженные, больные. Кто они, откуда? Почему здесь?

Большинство из них рыбачили на песках. Жили в землянках, в наскоро сколоченных бараках, а то и в палатках. Даже зимой. От голода, непривычного холода еле передвигали ноги, болели, умирали. Выносливее других были немцы и калмыки.

Вначале нам взрослые объяснили, что немцы – это предатели. Калмыки – тоже. А латыши и литовцы – помещики.

«Раз предавали, значит, с фрицами были заодно?». К тому времени мы, школьники, успели насмотреться и начитаться о зверствах гитлеровцев. И я дразнила всех подряд

(и латышских, и немецких детей): «Фрицы!». Мальчишки били им окна.

Мало-помалу мы стали знакомиться. Я сблизилась с двумя сестрами-латышками, Лаймой и Дзинтрой. За партой сидела с Зигурдсом Зилниексом. Стала бывать у них дома. Позже подружилась с Викторией Бауэр (немкой).

Спецпереселенцы хоронили своих, отпевая. Мы бегали смотреть и слушать. Красиво пели старые латышки! Привлекали нас и обряды, молитвы.

Свои 200-100 граммов хлеба от обеда или завтрака мы обменивали у латышских женщин и девушек на ленточки, открытки, диковинные для нас безделушки. Взрослые жители тундры отдавали хлеб за чай и табак, привозили на обмен рыбу и мясо.

Если в поселках спецпереселенцы постепенно, трудно, но все же отходили, оттаивали, обустроивали свою жизнь, то на промысловых точках было слишком далеко до уровня сколько-нибудь сносной жизни. Поначалу рыбачили часто без сапог, босиком. До 10 октября – так требовала «установка». Одеты были кто во что горазд. На одних нарах – по несколько семей. Жгли лучины. Почти ежедневно выносили трупы. В первую зиму мертвецов складывали в овраг штабелями, как поленья. Закрывали брезентом. К весне хоронили. (Это позже стали хоронить с отпеваниями). Взрослые предупреждали: «Не ходите к оврагу!».

Года через два-три после приезда спецпереселенцев по вечерам со стороны поселкового клуба стала доноситься музыка. Оказалось, латыши создали джаз-оркестр, танцуют, организуют концерты.

Прежде ничего подобного я не видела! Трубы блестят, оркестранты пританцовывают, бальные пары, шум, гам – интересно! Это сейчас теряюсь в догадках, как и где, доставали они музыкальные инструменты. Присылали ли им? Вряд ли. Скорее, сами делали. Из жести. Из остатков раз-

бившегося невдалеке самолета. Из гильз и еще чего-то. Вот она, джеклондонская жажда жизни!

Педагоги из спецпереселенцев стали преподавать у нас в школе. Эдитта Оттовна обучала немецкому языку. По сей день люблю немецкий, жаль, что мало его учила, только три года. Наша классная учительница Елена Антоновна (латышка) была для нас больше, чем мать. Вспоминаю ее только с любовью, только с благодарностью. «Плавала» я по алгебре – Елена Антоновна сумела привить любовь к алгебре. В конце дополнительных занятий я готова была решать примеры и задачи, пока не зарябит в глазах, воспитывала Е.А. во мне любовь к искусству, «растолковывала» картины художников, читала стихи, учила слушать музыку и понимать ее.

В назначенное время я приходила к ней домой, в закуток, отгороженный в комнате, где жила большая семья. Топчан и ма-а-ленький столик... Но мы вдвоем помещались.

Видимо у меня были пробелы с самого начала... Сидела, слушала, решала. Когда Е.А. ругала меня за ошибки, я плакала. Потом мы читали письма ее дочери из Латвии, рассматривали фотокарточки и репродукции известных полотен, слушали патефон (у хозяев брали), читали книжки. Веселая обогатившаяся, в два раза «умнее», чем была, я уходила в интернат. К концу учебного года стала «алгебраичкой», решение примеров превратилось для меня в такое же приятное занятие, как чтение художественной литературы.

У Елены Антоновны был всего один костюм из плотной ткани, некогда цвета хаки. Она постоянно его стирала, и костюм стал совершенно белым. Иногда на нем появлялись черные полосы: сушила у печки, нечаянно пачкала сажей.

Чай у Е.А. я никогда не пила: в военное время был у нас поголовный голод; не хотела злоупотреблять гостеприимством, уже понимала, что к чему...

Ни одного кинофильма Е.А. не пропускала, а по вечерам, перед сном, прогуливалась со своей приятельницей Эдитой Отговной до ближайших створов по берегу Енисея, это километра три от Усть-Порта. Так как вечером никто бы не отпустил меня из интерната, я, обезьянничая, каждое воскресенье одна пускалась в путешествие, за полтора-два часа обходила кругом свой поселок, от кладбища (с южной стороны) до Санчуговки с северной. Воображала себя путешественником, валилась с ног, зато в обед съедала с волчьим аппетитом и овсяный суп, и овсяную кашу. Интернатские каши (три раза в день), похожие на них в педучилище, потом в пединституте воспитали во мне такую нелюбовь ко всяким кашам, что я их не ем до сих пор.

Не могу не отметить, что в школе я вместе со всеми вредничала, что-то делала назло нелюбимым учителям, а иногда просто давала волю настроению, когда не хотелось учиться. Учителя требовали, так было принято, абсолютной тишины, «ноги на подставку, руки на парту», ни развалиться, ни расслабиться, ни тем более поговорить на уроке. За передачу записки (с парты на парту) могли выставить из класса. Иногда этого и хотелось.

Учительница Людмила Ричардовна Плацис (латышка) кричит: «Комарова, поставь ручку!» (Это означало, что я должна положить ручку на парту, туда, где есть специальная выемка). Я, нагло глядя ей в глаза, ставлю ручку в вертикальное положение. И будто слушаю объяснение учителя.

– Комарова, поставь ручку!

Оказываюсь в коридоре и катаюсь по наледи (пол постоянно промерзал).

Однажды я участвовала в драке: кому-то «темную» устроили (завернули в одеяло и били в сених). Кажется, это была Нина Бабакова, только что приехавшая с Украины. Говорили, что ее отец был бандеровец. Я – семиклассница,

остальные пятиклассники. Меня называли главарем, ругали в кабинете директора, пугали исключением из школы. Пришла в интернат заплаканная, сердитая на весь белый свет и стала готовиться в дорогу. Решила сбежать в тундру, дойти до Большой Хеты (60км). Я нащипала лучины, запаслась спичками, сэкономила за обедом и ужином 300г хлеба и утром должна была выйти на оленнюю дорогу – благо она так и поблескивала на солнце. С горы хорошо было видно, как мелкой змейкой она уходит через Енисей, наискосок, к устью Большой Хетты. Лучинки и спички зачем? Разжигать костер, если встретиться волк.

Утром я не нашла своих дырявых валенок и стеганой фуфайки, в которой ходила всю зиму: их, как узнала позже, спрятали старшие девчата, чтобы расстроить мои планы...

Я бы ни за что не бросила школу, во мне во все времена жил, и по сей день живет интерес к незнакомому, к знаниям. Конечно, скучала по дому, по родным, по матери, но учиться хотела всегда. Увы, в родном чуме меня не ждали сытая жизнь, комфорт и внимание, обеспеченные в школе и в интернате. Нет, в тундру я не хотела. Говорила же мама, что «русские в нее (в меня) вдохнули свой дух».

Наверное, мама права. Не понимаю, когда молодые, только что окончившие школу, не рвутся в вузы и техникумы или ограничиваются учебой заочно (получая «корочки», а не знания). Еще хуже, когда устраиваются на работу сразу после школы, а общее развитие остается на уровне интерната, за очень, конечно, редким исключением, как в случае с моим старшим братом Александром. Он много шалил в школе, неоднократно пытался сбежать домой, в тундру. Почти отличник, проявлял редкие способности, а бузил, чтоб выгнали из школы.

Привезли как-то в школу пианино. Саша стал на нем брэнчать, да на все здание, изо всех сил. Завхоз Якушенко «постановил»: «Завтра, целый день Комаров – без еды!».

На завтрак, обед и ужин, я приносила ему что могла: хлеб, кашу в бумажке, масло. Снова Якушенко «прихватил» Сашу у пианино. Инструмент закрыли на замок, а брата приказали... неделю не кормить. И Саша сбежал в Большую Хету. Не замерз, не сбился с пути. Лишь однажды в дороге встретился ему бешеный песец (в ту осень было их очень много). Песец кружил вокруг парня, норовил укусить, но Саша криком отогнал его. Дошел Саша до фактории, два дня подождал, а там и отец наведалься на факторию за продуктами, сдавать рыбу приехал. Так закончились его «университеты».

Когда я заканчивала седьмой класс, к нам в стойбище, говорят, приезжали сваты, потаповские ненцы. По мою душу. Я в это время сдавала выпускные экзамены. Мама ответила сватам: «Пришли другие времена, дети нас не слушают, не подчиняются. Моя дочь, кроме книг да бумаг, ничего не знает, и знать не хочет. Для тундровой жизни она не годится». И действительно меня уже «просватали». Наперебой внушали и советовали: «Тебе надо учиться, поезжай в Ленинград. Какой красивый город!». И я стала грезить берегами Невы, ни о чем другом больше и не мечтала. Это был 1948 год, тяжелый, послевоенный, голодный.

Из Усть-Порта доехать до Дудинки не на чем. Не прощавшись с родными (они рыбачили на Большой Хете), я ждала оказии в Усть-Порту, чтоб выехать в окружной центр. Однажды чуть было не расплакалась при людях: скучала по родному чуму, по маме. А расшевелила меня встреча с земляком. Когда я бродила по берегам, по ряжам, встретила Чели Ямкина, рыбака с Соленой речки из колхоза «Большевик».

– О, откуда ты появился, Норма? – обратилась я к нему.

– Да вот, заводским катером по делам приехал. Завтра надо уж домой возвращаться. Рыба хорошо идет, а я тут

бумажками занимаюсь... (он оформлял какие-то документы в сельском Совете).

У этого рыбака с военных времен было прозвище Норма. И вот почему. Первым из Усть-Порта на оленьей упряжке привез вести о нормах, о введении продуктовых карточек (купонов) в начале военного времени именно он, Чели Ямкин. Сказал: «Теперь будет норма». Так и закрепилось за ним это прозвище.

После того как мы с Нормой обменялись на ряжах новостями, разговорами, он сказал: «Подожди, Люпо, постой тут. Я сейчас». Пошел на рыбозаводской катер и вынес мне подчирка. Свежего непоротого. Рыбу эту я восприняла как весточку с родной земли, которую собиралась покинуть неизвестно на сколько лет.

В интернате я жила в это время одна. Выпускников (даже семиклассников) в ту пору из представителей местного населения никого не было, все были младше меня, сверстники же мои отсеялись после четвертого-пятого классов. Так что была я «первой ласточкой» и единственной. Рыбу сагудала в одиночестве, получая ни с чем не сравнимое удовольствие.

И тихо плакала, роняя слезы на сагудину.

Я хотела к маме.

Там, на Еркода Надо, сейчас хорошо, рыбы много. Берег, река, лодки, мои родные, наш чумик под яром. Там ждут меня... А я уезжаю...

...Катер с допотопной баржей пришел из Караула, забрал меня. Ехали в холодном, пропахшем рыбой трюме. Пассажиров из райцентра было человек 10-12. Не ходили пассажирские теплоходы, как сейчас, добирались кто на чем, чаще на баржах, кунгасах, ведомых катерами рыбозавода.

– Не повезло тебе, Люба, – говорила в пути женщина из района. – Двоих ненцев мы нынче отправляем в Ленинград

на учебу. Но твоего попутчика, Ломи Турутина из Воронцово, мы посадили на морское судно. Возле Воронцова и взяли его на борт. Через Архангельск доберется, помогут ему, до Ленинграда. Вы оба едете на подготовительное отделение университета имени Жданова. Да, но как же ты-то одна, такая маленькая, поедешь?? Ведь потеряешься!

Она советовалась с мужем и все повторяла: «Как же, как же ты доедешь?». Еще в дороге сердобольная попутчица нашла решение: «Надо хоть немного подрасти, осмелеть, подучиться... А, не поехать ли тебе сначала в Игарское педучилище народов Севера? Вырастешь заодно, да на каникулы будешь в тундру приезжать. А?»

Игарка рядом. Каждое лето домой, на Еркода Надо, к маме. Дополнительные знания. Вырасту, осмелею.

И я согласилась. Мой брат Саша тогда учился в школе колхозных кадров в Дудинке. Каждую весну ждал меня, и мы вместе добирались до Большой Хеты.

Ни одно учебное заведение не вспоминаю с такой любовью, как Игарское педучилище. Строгий и внимательный директор Александр Матвеевич Ляпустин в 11 вечера собственноручно проверял, все ли студенты дома, все ли под одеялами. На заготовку дров ездил с нами, пел с нами. Варили и пекли картошку. Страшно уставали, соревнуясь между собой, из кожи лезли, чтоб ноги веселее ходили, и легче было тащить с берега на баржу чурки дров, уже распиленных мальчишками. Директор усаживал на палубную надстройку Юрку Зеленова с гармошкой, под музыку работа спорилась.

С первого курса я влюбилась в молоденькую преподавательницу русского языка и литературы, только что окончившую Ивановский пединститут – Маргариту Ивановну Мурыгину. Когда она объявляла, что сегодня мы пишем сочинение (диктант, изложение), я хлопала в ладоши, радовалась. К тому же не сомневалась, что напишу на «5», в

крайнем случае на «4» (но хотелось получить «пятерку»). Меня всегда хвалили, чем я немало гордилась, а получив «четыре» за одну ошибку или еще хуже – «тройку», плакала от обиды и неудачи. Еще в Усть-Поровской школе, где по русскому языку и литературе была среди первых, меня избаловали вниманием учителя: писала правильно, иногда и не ведая о правилах. Но все же штудировала их, знала, что они нужны, любила в них копаться. Учительница Татьяна Ивановна Козьмина, подарив мне «Школу» Аркадия Гайдара, надписала ее по-пушкински: «Победителю ученику от побежденного учителя!» Она считала, что почерк у меня стал красивее, чем у нее...

И теперь, в педучилище я наивно считала «второстепенными» всех педагогов, кроме Маргариты Ивановны, преподавателя русского языка и литературы. Я ходила в драмкружок, которым руководила она, пела у нее в хоре, выпускала стенную газету. Когда я училась на третьем курсе, наша Марго вышла замуж за студента-долганина Николая Попова. Я в такое не могла поверить и долго оспаривала «слухи». Убедившись, что не права, я охладела к М.И., даже будто рассердилась на нее. Такими наивными мы были!

Учились охотно, были жизнерадостны, любопытны, брались за все, участвовали во многих кружках, помогали учителям. Но хочу рассказать о другом. В педучилище было два быка, которых держали в качестве гужевого транспорта. Иногда мы ездили в лес за саженцами, дерном, дровами. Одно раздражало, что «транспорт» всегда двигался еле-еле, а не бежал галопом, как олени. Часто правил быками кучер – литовец Кундратас. За его спиной мы орал: «Ну, Кундра, гони их!» Кундра степенно замечал: «Не можно, не любит!».

Во дворе педучилища выпускной, четвертый и наш, третий курс, сажали березки. Они и сейчас там растут. В первом от общежития ряду третья от тундры березка – наша.

Лида Кретьова, Роза Беломестнова и я сделали на ней отметины на память. Преподаватель труда Иммертрей (говорили, что он сосланный артист драмтеатра, не одну пьесу поставил: за роль Одарки из «Как закалялась сталь» Н. Островского я даже премию получила) – руководил нашими трудовыми занятиями. Был он мастер на все руки.

Почему-то нравилось лазать на поленницы дров во дворе общежития. И опять ругал нас Кундратас: «Дрова кушать не можно. Не разрешайт». А мы там счищали с листовенных поленьев серу, жевали ее. До иностранных жвачек в киосках еще оставалось много лет...

И других преподавателей хорошо помню. Относились они к нам как к детям (да мы и были таковыми). С преподавателем рисования и черчения Свидлером ходили в лес на этюды. Кое-какие азы живописи, знания о знаменитых картинах, художниках мы получали там, в педучилище, от преподавателей Денисова и Свидлера. Не в Ленинграде, а в Игарке я слышала поэтические рассказы о таких картинах, как «Березовая роща», «Утро стрелецкой казни», «Не ждали», «Гибель Помпеи», «Даная», «Неизвестная», «Неравный брак», «Явление Христа народу», «Давид» Микеланджело, Айвазовский со всем морем – тоже вошли в сознание еще на Енисее. Ленинград закрепил знания, углубил, расширил (Эрмитаж есть Эрмитаж), но фундамент заложила Игарка.

Сейчас очень жалею, что многие из нас (и я) сбегали с музыкальных занятий. Галина Михайловна Волконская ловила нас и насильно усаживала за пианино. Ведь и эти крохи знаний и навыков могли пригодиться в жизни, тем более, что у коренных северян, как отмечают знатоки, от природы тонкий музыкальный слух, развитая ритмика.

Подружки, однокурсницы заслужили слово о себе, как никто.

Трудное, голодное, бедное время спланивало, сдруживало. Многих по сей день встречаешь как родных. И есть что

вспомнить, и есть что сказать, ведь жили мы как семья. Всюду они – на Таймыре, в Эвенкии, в Красноярске, в Игарке – мои однокашники. О каждом – хоть книгу пиши, у каждого своя интересная судьба. Таня Еремина – кандидат исторических наук, живет в Норильске. Роза Беломестнова – заслуженный учитель РСФСР – в Байките. Маша Гидатова – в Крестах Хатангского района (великая мастерица прикладного искусства). Галя Микулич, Лида Кретьова, Николай Болин – их уже нет в живых. В Волочанке живет Екатерина Бетту, заслуженная учительница, в Дудинке – Николай Попов; тяжело больна Аксинья Сахатина, где-то на Левинских Песках Ирина Попова, в Красноярске – Ольга Рычкова; часто навещает Усть-Енисейский район, ставший ей родным, Анна Федорец; на Хантайском озере Агаша Сахатина. По сей день живет, в нашей памяти Анна Сотникова, веселый и отзывчивый человек, долганка, выросшая в ненецких краях.

Хорошее было время! Мы были молоды, безмятежны, уверенны, энергичны. Счастливы!

Ненецкий язык преподавала в педучилище хантыйка Валентина Ивановна Рубкалева, ныне ученый-ненцевед. К изучению родного языка я относилась с прохладцей (мол, и так знаю!). Ан нет! Литературный ненецкий язык знаю плохо, путаюсь в грамматике. Когда ныне издают мои книги на двух языках (русском и ненецком), передо мной на письменном столе поневоле оказываются «ненецко-русский» и «русско-ненецкий» словари и учебник грамматики родного языка. Вот что значит – «мы все учились понемногу...»

В Ленинградский университет я поступила в 1952 году, сразу после педучилища. Занималась много родным языком, фольклором. По окончании мне виделась (и предрекали!) аспирантура... и так далее. Бог расположил по-иному.

В 1953 году всех северян ради экономии средств перевели из университета в пединститут имени Герцена, так сказать аргировали мы с Васильевского острова через Неву на Мойку (где институт) на улицу Желябова (общежитие). И стали «будущими учителями», а не учеными. А ведь уже принимали участие в составлении словарей (которыми я сейчас пользуюсь), учебников, переводили на родной язык прозу и стихи, помогали языковедам. В одно каникулярное лето я ездила с экспедицией на Ямал. Экспедицией руководила Н.М.Терещенко, автор словарей и учебников ненецкого языка, знаток и собиратель фольклора (доктор филологических наук впоследствии). Впрочем, кто сказал, что подготовка учителей должна уступать подготовке будущих ученых?

Чувствовала я, что пединститут – это мой последний трамплин перед практической деятельностью, и все, что дают нам, надо брать, хватать, глотать. Дальше начнется «жизнь» – перипетии быта, отдаленность, текучка, «школьные годы». Хотя мне постоянно напоминали: «Через два-три года, проработав положенное, обязательно приезжайте в аспирантуру» (Где там – судьба распорядилась по своему).

Помню первый «зов тундры»... По вечерам мы в общежитии пили чай. Сбрасывались и рубля на три могли не только попить чаю с вкусным ленинградским батоном, но и позволить себе ломтик вкуснейшей столичной колбаски. И вот, выпало мне бежать в магазин. А там, в витрине я увидела свежемороженую говядину, квадратный брикет.

– Вы не можете взвесить двести граммов мерзлого мяса? – спросила я у продавца.

– Пожалуйста. Погуляйте, я положу в холодильник, и минут через 20 мясо будет готово.

Вернулась в общежитие я с одним батоном (благо, чай, и сахар оставались со вчерашнего ужина). Мерзлое мясо я

грызла по дороге, и совесть меня не загрызла. Мне было хорошо... Подружки побранили – снесла, а мысли, сверлившие голову по ночам (Хочу домой!), отодвинулись куда-то, стали едва различимыми.

Три раза в неделю я посещала студию художественного слова при Дворце культуры им. Кирова. Руководила там заслуженная артистка Надежда Ивановна Комаровская (по фамилии, – шутила она, почти родственница). Год я разучивала басни Крылова. До «Девушки и Смерти», о чем тайно мечтала, меня так и не допустила Надежда Ивановна: «Рано!». Зато она водила к себе домой, показывая меня (с баснями) своему мужу Стиве (так она его звала), тоже артисту. «Ты посмотри, Стива, какую туземочку я привела, ее родители в чуме живут, на оленях ездят». Мы пили чай, а потом я про волков, ягненка, стрекозу, муравья... снова читала, выслушивала замечания, указания, терпела «дразнилки» – ведь они учили меня.

В институте я ходила в хор, читала стихи Алексея Суркова «Имя – знамя» (про Сталина). Из ансамбля «Северное сияние» сбежала после первых же репетиций, поняла, что такую физическую нагрузку мой организм не выдержит.

Ходили слухи (и по сей день ходят), что ненцы не пластичны, что у них нет танцев. Наш хореограф по танцам народов Севера всегда благоволила чукчам, эскимосам и особенно камчадалам (корякам) – у них танцы интересные, своеобразные, оригинальные, пластичные.

А танцы есть у любого народа. Только у одних окультуренные, сформировавшиеся в современном понятии – танец, у других же народностей танцы – это их трудовые, бытовые телодвижения. Но ведь не все же народы одинаково развиваются, да и условия жизни разные. Понаблюдайте за пастухами – оленеводами, рыбаками, охотниками, домохозяйками, в их повседневном труде. Стремительные, трудно поддающиеся описанию жесты: движения головой,

телом, шеей, руками, притопывание, скольжение – это и есть их танцы. До балетных па они еще не дошли. А может, эти па им вовсе и не нужны? Совсем другая хореография – согласно условиям, климату, образу мысли и жизни. Может быть, окультуривать, стилизовать, подводить их под понятие «танец» в общепринятом, современном смысле вовсе и не стоит, не следует? Куда важнее – изучать, «отанцовывать». Многое зависит от руководителя, его эрудиции, интеллекта, образованности.

С Татьяной Федоровной Петровой-Бытовой, руководившей многие годы ансамблем «Северное сияние» в пединституте им. Герцена (ее уже нет в живых), мы часто встречались, беседовали, но на танцы в течение четырех институтских лет у меня так и не хватило «пороха».

Зато благодаря подруге, Дине Власовой, эвенке из Якутии, все четыре года учебы я аккуратно и планомерно, как по расписанию, посещала театры – драматические и музыкальные, цирк и кино. То духовное богатство, которое мы впитывали в себя, нас не просто обогащало – делало сильнее, освежало нашу кровь, как бы физически укрепляло. Мы бегали на концерты-встречи Павла Кадочникова, Марины Ладыниной, Евгения Самойлова. Ходили в Кировский театр на Бориса Брегвадзе, Мариса Лиепу, Галину Олейниченко, Сергея Лемешева, Александра Ведерникова. Старались не пропускать спектаклей с участием Николая Черкасова, Игоря Горбачева, Николая Симонова. Очень любили Карандаша и Юрия Никулина, Сергея Гурзо и Владимира Дружникова, Бэllu Коляда и Ирину Архипову, Павла Лисициана и Викторину Иванову. Будь то артисты ленинградские или прибывшие на гастроли – билеты мы всегда умудрялись доставать и, кажется, после каждого концерта чуточку подрастали. В Ленинграде есть чем восторгаться, чему учиться, что способно навсегда оставить в

душе человеческой памятный знак. Только пушкинские места чего стоят...

На летние каникулы домой ни разу из Ленинграда приехать не удалось: не было денег. А так хотелось, так скучала!

На четвертом (выпускном) курсе заболела туберкулезом. Врачи объяснили: где-то внутри тихо копошатся, роятся во мне палочки Коха. До поры до времени они не проявляли себя, но когда я, катаясь на лыжах, на берегу Финского залива, простудилась, они ожили.

Все силы были брошены на лечение. Академический отпуск. Через год защитила диплом – еще слабая, но с верой, что он все же пригодится.

Разрыв с любимым, с первым мужем. Он остается в Красноярске, я еду на Таймыр. Оброненная им фраза: «Туберкулезники дольше тридцати лет не живут...»

Осень. Холодно. Теплоход подходит к Дудинке. Я уже дома – одинокая, несчастная, брошенная. Вперемешку слезы радости и жалости к себе. Но – слава богу! Я не одна. Меня встретили девушки из окружкома комсомола: Таня Еремина, Таня Марчевская, Рая Бычкова. Устроили, обогрели.

Долго я скиталась, продолжая лечение. Тогда-то и попала в поселок Малая Хета с санаторием для туберкулезных больных, куда меня направили работать. Культурорганизатор. Ну и словечко! Не петербургское.

Лечилась и работала, с нетерпением ждала, когда же снимут меня с учета как больную ТБ, – иначе для меня дорога в школу закрыта. А пока...

Не раз на двух-трех подводах ездили с артистами (большими тубсанатория) в Усть-Порт с обменными концертами. Все бы хорошо, да главный кучер уж очень любил «горькую». Домой возвращались одни, тихо, медленно,

лошади нас не слушали. На полпути кучер обычно нагонял нас... бегом.

Получаю направление! – в восьмилетнюю школу поселка Носок. Катер с баржей на тросе. Середина августа. Темно. Слышу на берегу ненецкую речь.

– Помогите мне выгрузиться!

Пригнали лодку-неводник. Выгрузили вещи. Показали, где живет школьный завхоз. Получила большую комнату в учительском бараке.

Подопечный пятый класс. В погожие дни ставили и проверяли силушки на куропаток и зайцев. Ходили на остров пешком – хорошо! Лучшим добытчиком был первый озорник Егор Ямкин, ныне знатный рыбак-охотник, кавалер ордена Трудового Красного Знамени. На уроках он меня не слушал, читал книги. Тоже неплохо! Играл шамана в сочиненной нами пьеске. Ему горячо аплодировали, зато отругали дома: «Зачем дразнишь шаманов? Это непростые, умные были люди!». Егор художественную самодеятельность забросил, никакие уговоры уже не помогали.

Зато другие охотно пели ненецкие песни, исполняли танцы. По воскресным дням пятиклассники помогали престарелым по хозяйству: рубили дрова, расчищали двор, выкапывали из-под снега уголь, таскали воду, лед. До самого окончания восьмилетки эти дети были преданы мне, как никто. Они трудятся и сейчас в совхозе «Заря Таймыра», отцы и матери семейств.

В Носке меня избрали председателем женсовета (поселка и колхоза). Я старалась. Все, что делал тогда женсовет, сейчас, возможно, покажется наивным, искусственным, но нам, женщинам, помогало в работе. Кого-то подстегивало, звало к лучшему, в ком-то рождало интерес. Вспоминаю с удовольствием... Почти еженедельно женсовет проверял чистоту и порядок в квартирах женщин, недавно перешед-

ших на оседлый образ жизни. Оценка – в виде цветного кубика: красный – хорошо, чисто, порядок; синий – ничего, но желательнее; черный – плохо, грязно, не прибрано... «Экран чистоты и порядка» висел в клубе – ни от кого не скроешься.

Лучшие хозяйки получали к праздникам подарки, премии: чайные сервизы, комплекты постельного белья, ткань, платья, халаты. Чтобы заслужить похвалу, требовалось и добросовестное участие в общественном труде. Чем больше трудодней – тем лучше.

Труд женщин, живущих в оленеводческих бригадах, учитывали зоо- и ветспециалисты, медперсонал. Они же следили за порядком и чистотой в чумах, за соблюдением личной гигиены. Данные передавали мне.

Директора совхоза, работавшие в те времена в «Заре Таймыра» (И.Ф. Самарский и А.Ф. Паули) деятельность женсовета одобряли, пользовались его помощью для ремонта жилищ, детского сада, выгрузки прибывших грузов. Как-то привезли кирпич, доски, рыбокопьевский товар. Даже худенького подъемного крана в совхозе не было, все на своем горбу, на руках доставали из трюма, несли по доскам причала и подавали в кузов грузовика. Из средств малой механизации – только носилки. А мужики кулями выгружали уголь. Тяжко... Но то, что чуть ли не весь Носок выходил на берег, и придавало силы. Будто двужилые, с песнями «вкалывали» в моей бабьей бригаде Анфиса Байкалова, Лина Яр, Мария Ямкина, Дарья Сабы, Тамара Плотникова, Зоя Богатова...

Начиналась весна, и нашей первой заботой становилась уборка помоек. За зиму они превращались в ледяные горы, вот их-то мы и кайлили. Мужики отвозили мусор подальше, за черту поселка, а мы, женщины, подметем, кое-что сожжем, дерну с травками-цветами из тундры принесем... Плотники тротуары подлатают. Хозяйки квартиры подре-

монтируют, побелят, покрасят, шторы освежат – и можно жить. Свежо, чисто, красиво – и на душе легче.

Когда собирались всем колхозом (отчеты, торжества), такой момент нельзя было упустить. Я бежала в колхозную контору, выпрашивала денег на премии для лучших тружениц, хозяек, матерей, общественниц. Но и без этого готовили вечера, утренники, не замыкались в стенах квартир. Большинство молодых женщин, особенно учителя, медики, пели в хоре, играли в клубных спектаклях, писали в стенгазету, «всем миром» помогали недавно поселившимся в домах. Под приглядом женсоветчиц печник ремонтировал печь, плотники стеклили окна, чинили двери, приводили в порядок тамбуры.

В те годы перешли из чумов в квартиры веками жившие в тундре земляки. Была такая полоса – переводили на оседлый образ жизни как можно больше кочевого населения. Это сейчас мы знаем, что перегнули, нельзя отрывать человека от его вековых корней, от привычной ему обстановки. Но тогда мы не понимали, как долго будет кровоточить в сердцах ненцев (нганасан ли, других народностей Севера) эта рана. Мы не просто гнули свое – мы перегибали... Коль ненец, ненка получили квартиру в доме, значит надо его научить жить по-новому. Мы и учили: еженедельно подмазывать печь, белить, стирать, красить, содержать новое жилье в чистоте и порядке. И себя содержать «в гигиене». А того не соображали, что человека из чума в один присест не переучишь. Если женщина не поддавалась «науке», ставили ей «двойку» (черный квадратик) на «Экране чистоты». Нам казалось, что мы делаем доброе, нужное дело, требуя от людей сиюминутных перемен. Результаты были разными. Завидя комиссию женсовета, Некоча Яптунэ зывала ее к себе в дом: «Вот ежедневно мою и скоблю. Новые шторы повесила. Полочку для чайной посуды заказала». Она был чистюля – в самом деле, не для комиссии. А

другая, та, что не успевала чистоту наводить или не хотела, вешала на двери амбарный замок и убегала, чтобы лишний раз не краснеть перед комиссией. Жан-Жак Руссо считал, что цивилизация не способствует прогрессу. Может быть, великий француз и прав. Попытки навязать элементы других культур далеко не всегда плодотворны.

С болью вспоминается (и воспринимается сейчас) та кампания. Сорвать сотни семей с насиженных мест, с промысловых угодий, где они десятилетиями кормились, жили в соответствии со своими законами, по традициям предков, занятые своим кровным делом! Теперь это кажется дикостью. Вот перевезли людей тундры в поселки, они оказались не удел, не в своей тарелке, без нормального жилья. В магазинах море спиртного. Начальству, сельсоветам не до новоселов – блуждали бывшие тундровики, потерянное племя, как щепки в океане. Многие «сгорали» от вина, тонули, замерзали, деградировали. Стали «националы» мишениями насмешек «цивилизованных» людей, те их чурались, ими пренебрегали. А каким жильем обеспечивали? Подсовывали списанные хибарки! На работу не принимали, предпочитая людей приезжих, уже обученных.

И сейчас отголоски тех времен и привычек встречаются слишком часто. Но стали просыпаться местные жители, заговорили во весь голос, выступают за сохранение национальных традиций, родных языков, своих культур, за приоритетное право пользоваться оленьими пастбищами, промысловыми угодьями, за сохранение своих этносов, за выживание, за истинное равноправие. Без обмана и подвохов, без какого бы ни было ущемления. За это бьются депутаты, местная интеллигенция, Ассоциация народностей Таймыра, обновленные депутатские органы, все представили коренного населения Таймыра и каждый в отдельности. (Впрочем, тут меня по старинке занесло. Увы, не каждый!)

Голос человеческий должен быть услышан и будет услышан. Нужны новые законодательные акты в защиту народов Севера, жителей автономных округов. Этим законам обиженные ждут с нетерпением.

В мои молодые годы люди (большинство) трудились с энтузиазмом, жили по совести. Жизнь и труд старшего поколения во многом держались на горячей вере в будущее. Надежды не оправдались, но я и сейчас, когда мне вот-вот шестьдесят, живу с верой. И не представляю жизнь без веры в завтрашний день. А молодые ропщут: «Какое наследство вы нам передали?».

Такое, какое сумели. Еще неизвестно, что удастся нынешнему поколению. Надо бы низко поклониться старшим и всеми силами облегчить их участь, облагораживать их старость – тех, кто и горя вдоволь хлебнул, и лишения испытал, и трудился не покладая рук. Голодал, холодал...

Старость не просит, а требует к себе почтения. В том, что мы нынче в своей огромной, богатой стране бедствуем, нельзя винить целое поколение. Значит, не хватило необходимых качеств, чтобы не допустить сложившийся к 30-м годам «порядок», не хватило ума, честности – прежде всего у руководителей. Чернить за это миллионы обманутых – тоже глупо и бесчестно.

Меня часто земляки спрашивают: почему мы дожили до такой жизни? Куда все подевалось? Уже не знаем, где достать обыкновенные портки, носки? Что за мафия, почему дороговизна? Она же на плечи простых людей легла, придавила и вовсе придавленных. Почему?

Я отвечаю так. Во-первых, страной руководили политики. Экономистов, юристов, социологов почти не привлекали, а философов – разве что марксистских. Во-вторых, занимать высокие должности, а тем более руководить государством должны высоконравственные люди. А у нас? Сколько всякого рода грешников! Сколько хапуг, воров,

злоупотребляющих служебным положением мошенников, стяжателей оказывалось у руля нашего Таймырского округа. Дай только власть иному – он тут же начнет раздари-вать квартиры родственникам, знакомым, хватать дефицита. Сытый же голодного не разумеет.

Так и в масштабе страны. Полнейшее духовное разложение. Ни думать, ни работать, ни творить. Истоки – далеко в глубине нашей истории, не хочу поверхностно судить. Скажу о себе. Еще в Носке вступила в КПСС. Зачем? Хотела быть среди первых, среди лучших. Среди самых активных. Звать за собой к лучшему земляков. Верила, что партия поможет мне искоренять трудности, поможет и моему самовоспитанию.

Это было. Партия дисциплинировала, придавала силы, вселяла надежду, веру. Я долго наивно полагала, что в партии – лучшие из лучших, а чем выше по должности – тем честнее и мудрее.

Ошибалась. Не надо далеко за примерами ходить. Многие приезжали на Таймыр наживать. Многие плевали на простой народ, на местных, в первую очередь о себе пеклись. Потом, очень скоро уезжали с легким сердцем, без тени смущения, нагруженные добром.

Рядовой труженик возмущается. Критикует начальство, выступает с трибуны, пишет в газету, на радио. «А Васька слушает да ест». Поступает же он (начальник) так, как ему выгодно, как ему лучше, как лично он считает нужным, а не сообразно требованиям жизни или критике того же пастуха-оленевода, трудяги, человека от природы честного.

Сколько мною на эту тему написано! Выступала в прессе, на радио, хотела лучшей доли для рыбаков, для охотников, спешила помочь оленеводам, молодым специалистам-землякам. Кто-то на что-то отреагировал? Как жили, так и сейчас живут тундровики. Ну, грамоту (не чрезмерную, отнюдь) получили, «Спидолы» слушают, в больницах лечатся...

Зато пьянство процветает. Поят людей тундры самогоном, брагой, одеколоном. Квартир в поселках тундровики зачастую не имеют. Приедет человек из кочевого стойбища, а отдохнуть ему негде, ни помыться, ни постирать. Своего ребенка, который девять месяцев в году в поселковом интернате живет, негде отцу-матери приласкать, пригреть, угостить, поговорить. Хорошие товары? Их городские и поселковые жители разбирают. Эффективные лекарства – тоже. Некому о людях тундры печься. На лечение от пристрастия к алкоголю денег нет. Мои земляки помогают делать валюту – сдают пушнину, панты, куропатку – за «спасибо» (и то не всегда) и «деревянный» рубль. «Буранов», лодок, сетей, капканов постоянно не хватает. Чем же занимаются «руководители»?

Зайдите в любую контору, в райисполком, в окрсовет. Сколько там кабинетов! Еще больше – конторщиков. И все чего-то пишут или говорят. И всем полагается зарплата. Хотя бы один попросился в оленеводы... Все заняты, все при деле (бумаги, разговоры, телефоны, командировки, совещания).

Иногда мы напрасно ругаем всех русских, всех приезжих. Своего рода перегиб. Ругать следует тех, кто позорит и народ русский, и советскую власть. Русские – нация большая, сильная, владеющая высоким потенциалом культурного наследия, – дали нам знания, проводили просветительскую работу, преобразовали суровый Север, строили школы, клубы, жилые дома, заводы. Они же спасали тысячи людей от эпидемий, болезней, от смерти. Русские и их язык, которым мы овладели с их же помощью, дали кореным северянам возможность приобщаться к культуре. И если, скажем, мои рассказы и стихи, записанные мною сказки, легенды печатали в Венгрии, читают в Финляндии и в Канаде – это благодаря помощи русских переводчиков.

Освоение огромных территорий Севера, Сибири явилось подвигом русского народа. В составе России народы Севера обрели безопасность и надежную защиту от угрозы внешних вторжений.

Хотя народы Севера имели свою культуру, изобрели десятки охотничьих и рыболовных орудий, искусно вели оленеводство, мастерски умели изготавливать одежду, жилища, домашнюю утварь, хорошо были приспособлены к суровым условиям жизни, нелегкому кочевому быту, но они, по определению Ф.Энгельса, непопулярного ныне классика, переживали «период преимущественно присвоения готовых продуктов природы». Их основными орудиями были лук со стрелой и каменные изделия.

Северяне получили от русских огнестрельное оружие – это способствовало подъему охотничьего промысла. Во многих районах проживания туземцы начали перенимать у русского народа трудовые и бытовые навыки.

Все это – правда. Но я не была бы патриоткой Севера, если бы заодно не отметила влияние северян на русских, которые научились у нас ставить на промысле пасти, плашки, силки, носить малицы, бокари, да и ездить на оленьих и собачьих упряжках, есть строганину, юколу.

Все полезное, необходимое в жизни, для работы, для целей духовных, все, что мы, северяне, взяли у русских людей и людей других национальностей и чем мы поделились с ними, – обоюдно возвышает, обогащает, укрепляет. Это же так замечательно, так значимо!

...Если б меня спросили, что в первую очередь нужно северянам, какие блага? В чем их ущемили, обидели? Чего они требуют? Я бы ответила за всех: они требуют человеческого к себе отношения. На равных. Как ко всем, так и к ним относитесь. Если трудно, значит – всем. Никто поблажек не просит. Надо считаться с их интересами, традициями так же, как с интересами, традициями любого другого

народа, любого человека. И то, что тундровиков часто обходят вниманием, во многом ущемляют, – это унижает их человеческое достоинство и порождает отчуждение, озлобленность.

Сейчас в округе нет таких ярких личностей, людей высокого авторитета, которых знала вся тундра, кого уважали, ценили. Кого и по сей день помнят. Сто лет будут помнить и благодарить. Назову лишь несколько имен: Алексей Федорович Колониченко, Александр Панфилович Росляков, Вера Михайловна Шишкина, Иван Федорович Самарский, Александр Федорович Паули, Борис Александрович Трофимов, Александр Алексеевич Панов.

Разговаривают ли сейчас с тундровиками также доверительно, как умели они? Бывают ли в стойбищах, чтобы жизнь людей тундры изучить, увидеть воочию, постоянно помогать им практически, а не на словах лишь?

Ну что можно сказать, о чем поговорить, что увидеть за те несколько минут (даже за полчаса!), пока стоит вертолет? А уж если летом прибудет директор, кто-то из райсовета или окрсовета в рыболовецкую бригаду (на катере, на мотолодке), то вся встреча-разговор лишь на берегу, от силы 30-40 минут. А как у рыбака в чуме? Что есть, чего нет? Как он живет, что за семья у него, что заботит и беспокоит? «Еще не хватало в чум ходить!»

Нынче в бригадах крайне низка производственная дисциплина. Пастухи, особенно, молодые не подчиняются бригадирам. Много теряется оленей. Пастухи не выходят на ночные дежурства. Есть случаи, когда совхозных оленей отдают в качестве подарков друзьям (вместо своего, личного оленя), а потом списывают их на волков, черта, дьявола... Люди пьют, самовольно уезжают в поселки, не прислушиваются к советам старших. Дети разболтаны (длительное пребывание в школе-интернате не способствует крепким связям с родной землей, с семьей, родителями, с

делом отцов и дедов). Нехороший растет народ. В пьяном состоянии люди гибнут, дерутся, калечат и убивают друг друга. Ничего будто нет святого. Оторопь берет. И это – наше будущее?

Пьянство рождает детей-калек, разбивает семьи. От природы чистых, честных, непосредственных, наивных, веками не знавших воровства, обмана, хулиганства, алкоголизма, по природе кротких, верных супружеским узам, наделенных скромностью... Подменили. Легко нарушаются веками проверенные, нужные, так верно служившие людям заповеди, правила, традиции.

А приезжий люд этой катавасией пользуется. Ему, приезжему, на руку, если никто не отвечает за моральный климат, за воспитание людей. Мошенникам и хапугам на руку, когда у нас беспорядок и беспредел. За спирт они скупают рыбу и пушнину, мясо и рога, камус и пыжик, а потом всем этим добром торгуют в городах по спекулятивным ценам.

В поселке Тухард все (и милиция), видят, что самогонное варение процветает. Но никому будто дела нет. Значит, выгодно? И лишние заботы не хочется взваливать на плечи. Зачем? Себе дороже!

Да что говорить о песцовых шкурках и камусах, когда свои же братья по перу, журналисты и писатели, собранные, записанные и переведенные нами сказки порою воруют, присваивают!

Мельчает народ, наглеет. А ведь были, были, благородные, бескорыстные люди, они искренне помогали, способствовали нашему росту, руку дружбы в нужный момент подавали. Сейчас смотри, не зевай, остерегайся, оглядывайся.

Вспоминаю, как я вступала в Союз писателей СССР. Работала в Красноярском книжном издательстве редактором

Людмила Максимовна Назимкова, человек высокой образованности, профессионализма. Приехала Людмила Максимовна в Дудинку. С трудом устроилась в гостиницу, и звонит мне домой: «Приносите все, что считаете нужным, добротным. Я посмотрю»

Принесла я ей рассказы, повесть, стихи, поэму. Поэму мы решили отдать на перевод красноярскому поэту Зорию Яхнину, а прозу, отредактировав, пересмотрев совместно, подготовили для издательства. Так за один год вышли в издательстве две книги. Самые первые. С ними я уже имела возможность стучаться в Союз писателей. А если б судьба не свела меня с этой благородной женщиной, может и по сей день, скромно сидела б сиднем, а сверхпредприимчивые все оттесняли бы и оттесняли меня.

Говорят, нет худа без добра. Когда-то, еще в 1963 году, я безжалостно порвала со школой, переехала в Дудинку. Судьба ли меня привела, скрытые ли где-то в глубине души творческие нотки. Не могу сказать. Но вот потянула же меня работа журналиста, творческое письмо. Думаю, я занята своим делом, а это уже – почти счастье.

На радио я пришла, совершенно не представляя будущую работу. Правда, еще из школы-восьмилетки поселка Носок, отправляла в редакцию радио информации, небольшие корреспонденции, постоянно слушала передачи окружного радиокomiteта. Уже точно не помню, но, наверное, приходили мысли о себе в новом качестве, или даже уверенность, что смогла бы...

Приняли меня с месячным испытательным сроком – как диктора-переводчика ненецкой редакции. Руководил тогда Василий Федорович Лырмин, а Тамара Тимофеевна Ядне, пионерка Таймырского радио, была в отпуске. За месяц я написала несколько материалов, помимо переводов «Новостей», но магнитофон мне еще не доверяли, да и пользоваться им я не умела. Наставлял меня в работе Марк Пав-

лович Харлампиев – старший редактор вещания на местных языках, якут, человек в своем деле образованный. Через месяц я стала редактором ненецких передач. Потихоньку – полегоньку пошла моя жизнь по новому руслу.

Никогда не забуду свою первую командировку: на Большую Хету, в рыболовецкие бригады колхоза «Большевик». Родные места... Ни одного материала на «Репортер» не записала: по забывчивости, по неопытности, не нажала нужную кнопку! Еду в Дудинку и дрожу: что будет? Что Александр Ильич Петров, председатель комитета, скажет? Что рано поверил в мои возможности?

Хороший был человек, способный журналист и руководитель что надо. Но начальник, есть начальник, я еще в школе испытала на себе начальственный гнев! И голос на меня повышали, и кулаком по столу стучали... Было от чего трусить.

Отчиталась я на летучке. Пожурили и посоветовали выдать хотя бы беспленочный материал. Конечно, он весь был у меня в голове, и стала я писать. На следующей летучке попал на разбор и мой очерк с банальным названием «Мать большой семьи». О Марии Яптунэ, родившей семнадцать детей. Трое ее сыновей рыбачили, позже были оленеводами, все трое возглавляли бригады. У Салей Пухуча, так звали земляки Марию, к нашему с ней знакомству в живых осталось девятеро детей. Кто-то был замужем, ну а младшие учились. Салей Пухуча была великолепной хозяйкой, мастерицей шить и выделывать шкурки, камусы, до старости сохранила она острое зрение, столь ей необходимое. Она умело, в национальных традициях воспитывала детей, пользовалась авторитетом среди земляков, со многими поддерживала хорошие отношения.

Я тогда еще не знала, что написала «очерк». И вдруг, слышу, как Гунар Робертович Кродерс говорит: «Да это же

добротный очерк!». Словом, похвалили. И это меня окрылило, подтолкнуло на журналистскую тропу.

Конечно же, я училась в основном у своих коллег. Я прямо-таки благоговела перед опытными радиожурналистами, которые были на «ты» с техникой, тонко чувствовали и подбирали музыку, даже кое-что подсказывая звуко-режиссерам. Это была хорошая школа!

Передачи Аркадия Петрова, Гунара Кродерса, Анны Трофимовой, Вадима Тураева, Александра Петренко, Анатолия Омельчука, Вадима Офмана, Клавдии Асламовой – получали самую высокую оценку, иногда радиослушатели просили их повторить.

Я изо всех сил старалась, грызла теорию журналистики, читала книги. Давала свои материалы русскоязычным журналистам на рецензию. Советы были дельными. Случалось, поражали неожиданностью, знанием жизни, чувством слова. Постоянно я консультировалась со своим шефом Марком Харлампиевым.

У меня часто браковали пленку. То батарейки замерзали на морозе, то давали течь, видимо от перегрева у печек в чумах и балках. Часто ломались детали, то я записывала много постороннего шума (в чумах, где было уединиться?).

Иногда спасали звукооператоры: Таня Пшеничникова, Гена Шейкин, Христофор Левицкий, Саша Луканов. От них многое зависело. Они чистили пленки, монтировали, оформляли вместе с музыкальным редактором, записывали нас. У каждого свой опыт. Относились к нам, неумехам, всегда доброжелательно и ныне работающие Люба Вилим, Надя Токарева, Галя Москвина и другие девушки, верные добрым традициям.

В первые годы моей работы в радиокомитете, мы располагались в бывшем здании окрисполкома. Занимали три комнаты: кабинетик председателя, закуток машинисток, и одну большую комнату, где размещалось человек девять-

десять... Многие поневоле отпрашивались домой. Я, например, все, сколько-нибудь стоящие, серьезные материалы писала дома, ночью, когда заснут дети.

Когда от нас уехал в Красноярск А.И. Петров, собкорром Всесоюзного радио, главным пришел Константин Александрович Коробов. При нем-то и случился конфликт, наделавший много шума. Ребята из русских редакций стали замечать в материалах главного плагиат. Возмутились. Он стал преследовать их – за опоздания на работу, придирался по поводу и без повода. Создалась нетворческая обстановка. Я лично, правда, хоть без пяти минут девять, но на работу успевала (недосыпала и двоих детей надо было в детсад отвести). Семеро ведущих журналистов из русской редакции и я, из национальной, в знак протеста написали заявление об увольнении. Коробов всех нас и уволил. Все разъехались, списавшись с редакциями. Звали меня, советовали уехать. Осталась на Таймыре из этой группы я одна. Здесь моя земля, на руках двое детей-дошкольников, не просто собраться и уехать.

Однако получила и я приглашение с Ямала, в райцентр, собкорром окружного радио. Тут-то на меня вылилось такое... Я даже не предполагала, что за мной столько грехов! На партийное собрание (иначе с учета не снимали) пришли из горкома, из окружкома. Я вела себя дерзко, нагрубила и получила строгий выговор с занесением в учетную карточку: «За непартийное поведение».

Четыре месяца нигде не работала. Материально мне помогали родственники из тундры. И только когда вмешались в мою судьбу первый секретарь горкома партии Алексей Филиппович Богачев, редактор «Советского Таймыра» Савелий Семенович Ларионов, меня приняли литературным сотрудником газеты. С тех пор, куда бы я временно не уходила на работу (в систему культуры, в отдел по работе

серди женщин, в музей, в интернат), я возвращалась по доброй воле на радио или в газету.

Накапливала опыт, выработала требовательность к себе, лучше узнала людей тундры, приобрела много друзей, острее стало перо, научилась урезонивать себя, придерживать в отношениях с шефами. Я люблю эту работу! Это и призвание мое, и хобби, и жизнь!

Любимым жанром считаю очерк. Пишется он трудно. У очерка свои законы, свои правила, свой стиль. Для того чтобы получился настоящий очерк, необходимо много поработать, поехать, походить, переговорить, посмотреть, подумать. Не преувеличиваю: «по-пластунски проползла» Усть-Енисейскую тундру низовья. И болезней немало нажила, мерзла, чуть не утонула с рыбаками в шторм на Енисее, ночевала в «куропачьем» чуме. Всегда считала своим долгом добираться до своих стойбищ. Ежемесячно выезжала в командировки. Меня словно звал какой-то чертик: «Не пора ли ехать?».

Когда-то мы увлекались очерками-«конфетками», всячески восхваляя героев, поднимая их на высокий пьедестал. О негативных сторонах жизни и производства, грешным делом, умалчивали. Все хорошо, все прекрасно. «Конфетки» вызывали насмешки и над героем, и над автором.

Но, бывает, иного чуточку перехвалишь – и это на пользу: человек, как бы старается догнать свой очерковый образ. Это и есть наивысший успех очеркиста. Но если честно, чаще случалось не так.

В редакции газеты «Советский Таймыр» готовили буклеты о передовиках производства (не помню к какой дате). Мне поручили написать хвалебные подписи под фотографиями Героя Социалистического Труда Хансуты Харновича Яптунэ и директора совхоза «Октябрьский» Виктора Григорьевича Ваулина. Всего по восемь-десять строчек.

С Хансутой я справилась в один присест, его я знала, не раз писала о нем очерки и даже стихи. Для портрета Ваулина идущих от сердца слов у меня не нашлось: орденосолец, честь и хвала...

Как же грызла меня совесть, когда земляки-оленоводы раскрыли мне глаза, рассказали о махинациях директора, о приписках. Это была грязная история. А ведь в окружке партии, в окружной прокуратуре, в управлении сельского хозяйства ему рукоплескали. Ваулин так и уехал «на материк» в передовиках, обласканный, с деньгами.

Куда приятнее вспоминать простых, добрых, бесхитростных людей, с которыми сводила судьба на тундровой дороге, в промысловых бригадах, в чумах, палатках и балках, в городе и в сельских поселках.

За один – два дня не узнаешь человека. Надобно долго его изучать, пуд соли съесть, чайку выпить, а то и стопочку (чтоб он разговорился).

Однажды, помню, корреспондент радио Аркадий Васильевич Петров надолго застрял в Хатангском районе. А приехал оттуда одухотворенный, помолодевший. Гвоздем его отчета перед братьями-журналистами стал очерк об охотнике Сидоре Алексеевиче Чуприне. Оказывается, напросился Аркадий с Сидором Алексеевичем на высмотр пастей и капканов. Вот тут-то Чуприн и раскрылся во всей своей красе, в дороге и на промысловых угожьях много чего рассказал и, конечно, показал себя.

Чудесное чувство испытываешь, когда герой со временем становится не просто добрым знакомым, а родным человеком, каким для меня, например, стала Варвара Николаевна Левицкая с Левинских песков. Никогда не забуду, как Софья Шайхатиновна Замолотдинова, бывшая стрелочница с Дудинской железной дороги, сидя у себя на кухне, вытирала слезы, читая мой очерк о себе.

Несколько лет собирала материал, прежде чем «выдать» путевые заметки «На оленьих тропах» – о работе пастушеской бригады Николая Ваевича Яптунэ из совхоза «Тухард». Или чтоб нарисовать на фоне исторических событий портрет Петра Спиридоновича Болина, старожила Таймыра. Много пленок извела и на подготовку воспоминаний фронтовика Николая Петровича Ядне. Не в одну поездку на оленьей упряжке пускалась, не одну встречу назначали, чтоб написать о ярком человеке, бригадире-оленьеве Спиридоне Петровиче Болине.

На склоне лет, в пору гласности, стараешься более трезво смотреть на вещи, на людей, на их поступки, поведение, на события, называешь вещи своими именами. Тяга человека к спиртному, его блуждания, ошибки, слава богу, не уходят «за кадр». Правда, иногда наживаешь из-за этого врагов, недоброжелателей. Сердятся люди: «выношу сор из избы». Зато изба становится чище!

Жаль – медленно. Слишком медленно. Даже самым длинным языком всего сора не выметешь.

В 1973 году, работая в газете «Советский Таймыр», я была удостоена звания лауреата премии Союза журналистов СССР. Это была победа! И не только моя, а всего коллектива редакции, но особенно – зам. редактора Александра Тимофеевича Петренко. Ему я многим обязана, он же первый поверил, что я смогу себя проявить в поэзии. Начала писать стихи, Александр Тимофеевич стал первым их переводчиком, творческим наставником.

Стихи и очерки я, как правило, посвящала людям тундры. Писала, понятно, не только о ненцах, но и о долганах, нганасанах, энцах, эвенках, немцах, русских. Писала о тружениках сельского хозяйства, учителях, рабочих культуры, медицины, о взрослых и детях.

Была тронута, когда – среди других наград и поощрений – получала премию от окружного управления сельско-

го хозяйства. Звонит мне Владимир Петрович Казанский (он в управлении был тогда профоргом): «Зайди, я тебя чем-то обрадую». Казанский, кстати, печатал в «Таймырке» свои стихи, очерки, статьи.

Пришла. Владимир Петрович вручил мне прилюдно красивый целлофановый пакет. Разворачиваю... Белый импортный костюм. Восприняла, премию как подарок от всех земляков, тем более что многие поздравляли, желали... Может быть, и вдохновили на пробу пера в прозе. С тех пор собираю сказки, легенды, песни, загадки, приметы, пословицы и поговорки, заклинания, наговоры. Спешу записать все, что удастся найти, ибо старики умирают и навсегда уносят с собой бесценные творения народа. Ляжет фольклор на бумагу, магнитофонную пленку, потом станет книгой. Не станет меня, а слово будет вечно жить и служить. Пишу, собираю, записываю сама, советую заняться этим и другим.

В 1980 году у меня вышла книжка «Я читаю следы» (рассказы и повесть), на следующий год – поэма «Огненный суд» (в первый раз). 1985-й год принес ненецкие сказки «Что, отчего, почему?». Ненецкие песни на двух языках «Пою о тундре» вышли в 1988 году. Стихи на двух языках «Радуга» («Нумпан») – в 1989-м. Все это – в Красноярском книжном издательстве. А краевой научно-методический центр народного творчества выпускал ненецкие песни с нотами. К моему 60-летию обещают сборник фольклора. Надо бы снова собрать стихи (прибавилось много).

В последние месяцы (1991 г. – *Ред.*) написала три поэтических сказания по фольклорным записям Б.О. Долгих и З.Н. Куприяновой: ненецкое – «Дети хозяина Ябта Саля», нганасанское «Ня – отец земли» и энецкое – «Как Солнце и Луну приглашали в гости». Поэтические переводы сделал лауреат Государственной премии Анатолий Преловский. Написала две детские повести на ненецком языке – «Ненец

живет оленем» и «Гость из города». Приступила к чрезвычайно серьезной работе – перевожу на ненецкий язык Евангелие.

Об одном жалею: поздно «проснулась». Лишь на 50-м году жизни вступила в Союз писателей. В жизни я много встречала хороших людей, ощущала их помощь, поддержку. Пожалуй, лучшими учителями были сказители и песенники, почтенные старцы, знатоки устного народного творчества и те, о ком я писала, – мои земляки.

Им – низкий поклон и высокая благодарность.

*Любовь Прокопьевна Комарова (Ненянг),
Член Союза писателей СССР*

ЛЮБОВЬ НЕНЯНГ – НАШ «КОМАРИК ИЗ ТУНДРЫ...»

Несомненно, Л.П. Ненянг внесла значительный вклад в развитие ненецкой культуры на Таймыре. Среди учителей – таймырских ненцев Любовь Прокопьевна была первой, закончившей высшее учебное заведение. По окончании Игарского педучилища и Ленинградского института им. А.И.Герцена она начала свою трудовую деятельность в Носковской школе, где проработала около десяти лет. Все тогда говорили: дочь Вэрья Ненянг приехала. Завидовали тем ученикам, которым она преподавала русский язык и литературу. Руководила в поселке женсоветом. Все отмечают, что путь в поэзию и прозу она начала поздно. Как мастер пера, она состоялась уже в зрелом возрасте.

Читая заново статьи или книги Любви Ненянг, невольно представляешь чум, семью, детей. Свежий запах тундры, пьянящая свобода мысли, свобода свобод... И в тоже время, тяжелый труд и быт тундровиков. Но так ли это на самом деле? Приезжая в поселок или город, они уставали от городской жизни: четкое расписание и очереди в кабинеты, равнодушие чиновников, отсутствие знакомых лиц, русская пища (нет свежей рыбы и мяса). Даже воздух, и тот казался тяжелым. Они, как дети, радовались возвращению в свое стойбище.

Любовь Прокопьевна размышляла вслух и порой сама не могла придумать, как же все-таки облегчить жизнь народа.

Сталкиваясь с бюрократическими препонами, она выступала с критикой в адрес начальства на совещаниях и конференциях, по радио на русском и ненецком языках, на страницах газеты «Советский Таймыр». Она обращалась к землякам, объясняя, как не потерять свою культуру, свой язык, свои корни. Казалось, все в ней бурлило, протестова-

ло. Да, она была беспокойным человеком, и не все ее понимали, даже родственники.

Может быть, поэтому и сгорела она быстро, как комарик. Короткая и яркая жизнь поэтессы, как короткое северное лето...

Как трудно восстанавливается и растет ягель после тяжелой техники, вездеходов, тракторов и бульдозеров, так до сих пор не зажила рана от утраты нашей замечательной писательницы, и таймырская ненецкая тундра пока не вскормила новых писателей и поэтов такого уровня.

*Нелли Ириковна Пяся,
Тамара Маникувна Слесарчук,
Александра Хасевна Богданова*

Я ХОЧУ ПОКЛОНИТЬСЯ ЧУДОДЕЙНОЙ СУДЬБЕ...

15 ноября 2006 года исполнится 75 лет со дня рождения Любви Прокопьевны Комаровой-Ненянг. Сейчас её имя упоминается среди имен крупнейших писателей России. Однако судьба ненецкой писательницы Л. П. Комаровой весьма своеобразна. Её труды изданы и переиздаются и будут востребованы, так как, именно сейчас, идет полноценное изучение её произведений. Жизненный и трудовой путь выдающейся ненецкой поэтессы и прозаика Любви Прокопьевны Комаровой-Ненянг наполнены любовью к своему народу, которая помогала сохранять родной язык и культуру, все живое в Природе и в Космосе. Земля, словно дитя, для которого она слагала свою песню, выполняя материнский долг.

Творчество Л.П. Комаровой отличается исключительной целеустремленностью и широтой замыслов, искренностью и смелостью.

Огромная работоспособность, учеба у классиков русской литературы, научная и педагогическая деятельность, неутомимость в собирании сказок, легенд, мифов своего народа позволили ей стать крупнейшим писателем.

Если обратиться к произведениям Любви Прокопьевны, то нетрудно заметить, какую роль для писателя играет народное творчество: «Что, отчего, почему?» – ненецкие сказки, «Фольклор таймырских ненцев» – сборники ненецких пословиц и поговорок, «Наши имена» – имянаречение и бытование собственных имен у ненцев Таймыра, «Пою о тундре» – ненецкие песни. Это как живительный колодец, из которого она черпает то, что зовется вдохновением. Поэтому своей задачей Любовь Прокопьевна видела сохранение творчества народа. «Восприняла премию как подарок от всех земляков, тем более что многие поздравляли, желали... Может быть, и вдохновили на пробу пера в прозе. С тех пор собираю сказки, легенды, песни, загадки, приметы, пословицы и поговорки, заклинания, наговоры. Спешу записать все, что удастся найти, ибо старики умирают и навсегда уносят с собой бесценные творения народа. Ляжет фольклор на бумагу, магнитофонную пленку, потом станет книгой. Не станет меня, а слово будет вечно жить и служить. Пишу, собираю, записываю сама, советую заняться этим и другим».

Она четко осознает и признается: «Пожалуй, лучшими учителями были сказители и песенники, почтенные старцы, знатоки устного народного творчества и те, о ком я писала, – мои земляки. Им – низкий поклон и высокая благодарность».

Главные темы произведений Л.П. Комаровой – отражение жизни, быта, нравов ненецкого народа, изображение природы родного края. Вместе с читателем писатель размышляет о нерасторжимом единстве человека и природы.

Стиль её рассказов и повестей особый, неповторимый, ни с чем не сравнимый. В нем психология неторопливого и немногословного северянина, в нем сдержанность и преимущество дела перед словом, в нем – сама Любовь Ненянг. Поэтому-то, читая её прозу, мы слышим голос писательницы. Неторопливо, ярко интонировано ведет она повествование о своих земляках – об охотниках и оленеводах, о многотерпеливых их женах, о рано взрослеющих детях.

Десять лет уже нет рядом с нами Любовь Прокопьевны, а СЛОВО её вечно служит, и впредь будет служить народу. Очень актуальны её произведения. Жизнь течет своим чередом, только вот не меняется к лучшему жизнь кочевого народа. С каждым днем, часом мы теряем традиционный уклад, вместе с ним и людей, поколения, за которых она боролась и переживала, им посвятила музу и сердце, душу и энергию, отдала все жизненные силы.

Пока недавние события ещё свежи в памяти, и живы ещё многие люди, знавшие Л.П. Комарову-Ненянг, надо использовать их знания, мысли и впечатления и раскрыть новые грани этой незаурядной творческой личности, неизвестные стороны её тяжелой и счастливой жизни.

Я уверена, что это издание поможет лучше понять и оценить масштаб личности и творческие горизонты нашей выдающейся современницы. Искренне благодарна сотрудникам библиотеки и всем, кто согласен поделиться с читателями своими воспоминаниями, а также заранее благодарна всем, кто сможет предоставить новые материалы или напишет свои собственные уточнения и замечания. Работа, начатая сотрудниками библиотеки, ещё далеко не завершена.

*А.А. Барболина,
кандидат педагогических наук,
человек, благодарный судьбе,
что довелось общаться
с Любовью Прокопьевной Комаровой-Ненянг*

Содержание

Памяти ненецкой сказительницы (вместо предисловия).....	4
Я, комарик из тундры... Автобиография ненки.....	6
Любовь Ненянг – наш «комарик из тундры...»	63
Я хочу поклониться чудодейной судьбе.....	64

Любовь Ненянг

Я, КОМАРИК ИЗ ТУНДРЫ...

Автобиография ненки

Отпечатано: Изд-во «Красноярский писатель»,
660049, г. Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89,
т. 8 (3912) 23-48-60.
E-mail: amalgama@online.ru.

Подписано в печать 00.00.06. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 4,12. Бумага офсетная.
Тираж 200 экз. Заказ 237